

МИРОВОЙ СУДЬЯ

Причина судебных ошибок — нежелание своевременно и внимательно выслушать сторону защиты

Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения

Правовое регулирование статуса гражданского истца в уголовном судопроизводстве России

Актуальные вопросы правового регулирования опроса присяжного заседателя

юрист
издательская группа

№ 4
2022

ISSN 2072-4152

9 772072 415778 >

МИРОВОЙ СУДЬЯ № 4 2022

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС77-29335 от 24 августа 2007 г. Выходит ежемесячно. Издается с 2003 г.

Учредитель журнала — Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Дорошков Владимир Васильевич, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, секретарь Пленума, судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Апостолова Наталья Николаевна, профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

Воскобитова Лидия Алексеевна, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Головкин Леонид Витальевич, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Каплина Оксана Владимировна, заведующая кафедрой уголовного процесса Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), доктор юридических наук, профессор

Лазарева Валентина Александровна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики национального исследовательского университета имени С.П. Королева, доктор юридических наук, профессор

Павликов Сергей Герасимович, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор

Патов Николай Александрович, проректор Московского психолого-социального университета (МПСУ), доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, академик Российской академии образования

Попов Иван Алексеевич, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник Министерства внутренних дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Примак Татьяна Клавдиевна, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор

Сачков Андрей Николаевич, судья Ростовского областного суда, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Колоколов Никита Александрович, судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Главный редактор Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования

Заместители главного редактора Издательской группы «Юрист»: Бабкин А.И., Белых В.С., Ренев Э.Н., Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Редакция: Латтева Е.А., Соловьева Д.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88 (многоканальный).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Подписка по России: «Почта России» — П1700, а также на сайте: www.lawinfo.ru

Содержание

Судебная власть и международное право

Ключников А.Ю. Нарушения при назначении на должность судьи как основание к отмене судебного акта: новый подход Европейского Суда по правам человека 2

Уголовное судопроизводство

Колоколов Н.А. Причина судебных ошибок — нежелание своевременно и внимательно выслушать сторону защиты 5

Стельмах В.Ю. Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения 15

Азаренок Н.В. Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе 20

Самойлова Ж.В., Корнакова С.В. Правовое регулирование статуса гражданского истца в уголовном судопроизводстве России: история и современность 23

Антонов И.А., Каширин Р.М. Законодательная регламентация состава, прав и обязанностей участников судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о реабилитации нуждается в совершенствовании 27

Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы правового регулирования опроса присяжного заседателя 32

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Использование материалов в других изданиях допускается только с письменного согласия редакции. Ссылка на журнал обязательна.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Вниманию наших авторов!

Материалы журнала размещаются в электронной справочно-правовой системе «КонсультантПлюс».

Формат 170x252. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Физ. печ. л. 3,0.

Усл. печ. л. 3,0. Цена свободная. Тираж 4000 экз. ISSN 2072-4152.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан в печать: 05.04.2022. Выход в свет: 14.04.2022.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал включен в базу данных Российского индекса

научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Нарушения при назначении на должность судьи как основание к отмене судебного акта: новый подход Европейского Суда по правам человека

Ключников Андрей Юрьевич,
судья Правобережного районного суда города Липецка,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
andrew19871961@mail.ru

В статье рассмотрен новый стандарт права Европейского Суда по правам человека на независимый и беспристрастный суд, учрежденный в соответствии с законом, применительно к процедуре назначения судей другими ветвями государственной власти государства. В деле «Астрадссон против Исландии» 2020 г. суд решал, являются ли допущенные при назначении на должность судьи нарушения процедуры основанием к отмене принятого в рамках национального разбирательства приговора. Автор выявил новые требования к национальным властям относительно эффективного участия национальных судов в определении нарушений национального права при назначении судей, эффективном их рассмотрении и устранении, а при игнорировании властями нарушений — возможности ЕСПЧ в субсидиарном порядке провести такой анализ самостоятельно на предмет соответствия Конвенции 1950 г.

Ключевые слова: ЕСПЧ, должность судьи, отмена приговора, защита прав человека, стандарт, независимость.

Право на независимый и беспристрастный суд, учрежденный в соответствии с законом, по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹ является одним из краеугольных камней принципа верховенства права. Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) располагает хорошо разработанным сводом прецедентного права, развивающим концепцию «независимого и беспристрастного судьи»². Однако на вопрос о возможности применения стандарта к процедуре назначения судей другими ветвями государственной власти государств — членом Совета Европы впервые был дан ответ в знаковом решении Большой палаты ЕСПЧ по делу «Гудмундур Андри Астрадссон про-

тив Исландии от 1 декабря 2020 г.»³. Для России проблема актуальна в связи с началом функционирования новых апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции.

По обстоятельствам дела жалоба заявителя на приговор была оставлена без удовлетворения апелляционным судом — новым судебным органом, действовавшим с 2018 г. Одним из доводов жалобы заявителя в Верховный суд Исландии было нарушение процедуры назначения судьи, что влечет необходимость отмены приговора.

Национальное право Исландии закрепляет специальные правила оценки компетенции кандидатов в судьи Оценочным комитетом из представителей Совета судей, Ассоциации адвокатов и Альтинга Исландии — законодательного органа, что ограничивает полномочия исполнительной власти.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление ЕСПЧ по делу «Рамуш Нуниш де Карвалью э Са против Португалии» 2016 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2017. № 3. П. 144–150.

³ Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Гудмундур против Исландии» 2020 г. // Бюллетень ЕСПЧ. 2020. № 10. П. 44.

Министр юстиции Исландии исключил из списка четырех наиболее квалифицированных кандидатов, заменив на других, с меньшей квалификацией, хотя мог только предложить иных кандидатов для обсуждения.

Верховный суд Исландии установил нарушение процедуры назначения судьи на должность, однако указал на отсутствие связи принятого итогового решения со справедливостью разбирательства.

По жалобе заявителя в ЕСПЧ суд должен был определить существенность нарушений национального законодательства, законность участия судьи в деле заявителя; указать сферу применения права на доступ к правосудию, способы выявления нарушений этого права и обеспечения баланса между данным правом и принципами несменяемости судей, правовой определенности.

Краеугольным камнем нового подхода стала идея учреждения суда (назначения судьи) строго в соответствии с законом как отражающая принцип верховенства права. Суд, созданный в противовес намерениям законодателя, неизбежно лишен легитимности, необходимости в демократическом обществе для разрешения правовых споров. Цель такой регламентации состоит в обеспечении независимости суда от усмотрения исполнительной власти и регулировании его деятельности законом, исходящим от парламента. Большая палата ЕСПЧ для целей надлежащего функционирования и легитимности судебной власти в демократическом государстве подключила процесс назначения судей к концепции «учреждения суда по закону».

ЕСПЧ применил традиционное целевое (телеологическое) толкование с опорой на принцип верховенства права, за счет чего определил, что назначение судей в целом подпадает под право, предусмотренное п. 1 ст. 6 Конвенции. Следовательно, право на суд, учрежденный согласно закону, является самостоятельным правом, обусловленным гарантиями независимости и беспристрастности. Отметим особый доктринальный подход ЕСПЧ к способу толкования: ему не пришлось высказываться относительно достаточной беспристрастности судьи апелляционного суда, назначение которого рас-

сматривалось как нарушение Конвенции, и относительно того, было ли судебное разбирательство по делу заявителя в целом справедливым. В этом проявляется двойственная природа верховенства права: он действует как правовой принцип, поддерживающий фундаментальную структурную предпосылку для реализации права на справедливое судебное разбирательство, и как норма с фиксированным содержанием, императивно требующая назначения судей в соответствии с национальным правом⁴.

Поэтому если судья, назначенный в нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции, рассматривает дело единолично или в составе коллегии, отдельного анализа фактической справедливости судебного разбирательства не требуется. Нарушение права на суд здесь по умолчанию создает неопровержимую презумпцию несправедливости судебного разбирательства, в котором принимал участие незаконно назначенный судья, что и было установлено в деле Астрадассона.

Для национальных властей ЕСПЧ ввел трехступенчатый пороговый тест для определения нарушения права на суд, учрежденный в соответствии с законом. Для этого необходимо устанавливать: были ли явными нарушения внутреннего законодательства; если да, какие нарушения затрагивают основополагающие положения процедуры назначения судей; были ли доводы жалобы о нарушениях в назначении судьи эффективно рассмотрены и исправлены национальными судами. Большая палата сформулировала высокий порог требований с целью примирить напряженность между принципами субсидиарности и эффективной защиты конвенционных прав.

ЕСПЧ требует эффективного участия национальных судов в определении нарушения национального права при назначении судей, эффективного устранения последствий нарушений. ЕСПЧ опирается на оценку национальных судов, но ввиду автономности рассматриваемого права вправе самостоятельно

⁴ Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 120–121.

решить, достигнут ли высокий уровень допущенного нарушения⁵. Иной подход лишил бы конвенционное право на справедливое разбирательство смысла.

Большая палата ввела дополнительное требование установления значительной серьезности нарушения национального права, достигающего уровня, потенциально приводящего к нарушению Конвенции. Это необходимо для анализа соблюдения баланса между правом на суд, учрежденным в соответствии с законом, и потенциальными нарушениями принципов несменяемости судей и правовой определенности.

В подтверждение сделана ссылка на решение Суда ЕС по делу «Комиссия против Польши в части нормативного наполнения принципа несменяемости судей»: «Хотя принцип несменяемости судей не является абсолютным, из него не может быть никаких исключений, если они не оправданы законными и убедительными основаниями, при условии соблюдения принципа соразмерности»⁶.

Из решения Суда по делу Астрассона можно сделать ряд выводов.

Во-первых, когда речь идет о праве на суд, учрежденный в соответствии с законом, на него распространяется принцип верховенства права.

Во-вторых, грубое нарушение принципа верховенства права констатируется всегда, когда создание суда или назначение судьи основаны на актах, явно нарушающих основополагающие принципы и правила назначения судей по национальной процедуре, особенно в сочетании с отсутствием строгого судебного контроля национальных властей.

⁵ Ключников А.Ю. Роль общих принципов международного права в определении свободы правоприменения международных судов // Российский судья. 2019. № 6. С. 62–63.

⁶ Решение Суда Европейского Союза по делу C-619/18 «Комиссия против Польши: Независимость Верховного Суда» 2019 г. // ЕС LI:EU:C:2019:531.

Литература

1. Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество в международном правосудии / Х.И. Гаджиев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 118–129.
2. Ключников А.Ю. Роль общих принципов международного права в определении свободы правоприменения международных судов / А.Ю. Ключников // Российский судья. 2019. № 6. С. 61–64.

В-третьих, когда в государстве утверждена законодательная основа для назначения судей, верховенство права как норма-принцип, включенная в ст. 6 Конвенции, явно предписывает обязанность по соблюдению этих правил. Если отбор судей производит исполнительная и/или законодательная власть, национальные суды должны быть компетентны определять соблюдение национального права в этой части, и только затем оценку вправе дать ЕСПЧ в соответствии с автономными принципами, заложенными в ст. 6 Конвенции. При определении ответственности нарушения национального права при назначении судьи ЕСПЧ в целом полагается на выводы национальных судов, если они обоснованы и непроизвольны. ЕСПЧ не лишен возможности выявить характер нарушений самостоятельно, поскольку «строгий европейский надзор» с его стороны не исключен в силу принципа субсидиарности, закрепленного в преамбуле Конвенции.

В-четвертых, государства в принципе свободны в выборе законодательной базы для назначения судей на основе своих правовых традиций и конституционных структур. Однако такие правила и применяемые процедуры всегда должны соответствовать требованиям принципа верховенства права как находящие свое выражение в требованиях независимости и беспристрастности судебных органов, регулируемых ст. 6 Конвенции.

В связи с изложенным отечественная процедура назначения судей должна стать более прозрачной. Необходимо закрепить правила оценки компетенции кандидатов, порядок отбора их на альтернативной основе, зафиксировать перечень оснований к откazu в назначении. В законе надлежит детально регламентировать процедуру оспаривания решений органов, должностных лиц, участвующих в отборе кандидатов, закрепить перечень оснований для подачи жалоб при оспаривании на каждом этапе процедуры назначения на должность судьи.

Причина судебных ошибок — нежелание своевременно и внимательно выслушать сторону защиты

Колоколов Никита Александрович,
судья Верховного Суда Российской Федерации (в отставке),
доктор юридических наук, профессор
nikita_kolokolov@mail.ru

Понятия «необходимая оборона», ее пределы в российском уголовном праве традиционно относятся к разряду спорных. Неслучайно Президент РФ В.В. Путин 27 января 2022 г. в очередной раз рекомендовал Верховному Суду РФ обобщить практику применения ст. 37 УК РФ. Безусловно, результаты этого обобщения будут не только весьма интересны, но и поучительны. Мы же на конкретных примерах предлагаем читателю погрузиться в анализ толкования вышеуказанной нормы судами различных уровней.

Ключевые слова: право на необходимую оборону, пределы права на необходимую оборону, обвинительный уклон, уголовно-правовое и уголовно-процессуальное упрощенчество.

Проблемы, касающиеся защиты прав человека и гражданина на необходимую оборону, постоянно находятся в при- зме нашего внимания¹. Мы уже неоднократно писали о том, что обвинительный уклон, изначально заложенный в идеологию как догмы уголовного права в форме противоречивости положений ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ), так и доминирование в стороны обвинения в состязательном российском уголовном процессе, с неизбежностью подталкивает органы предварительного расследования, *во-первых*, к числу приоритетных относить версию, согласно которой кто в обоюдном конфликте больше всего пострадал, тот и по-

терпевший. Такой упрощенный подход к решению уголовно-правовой проблемы в расследовании преступления сразу пере- ворачивает его суть с ног на голову, ибо чудом выжившая жертва преступного посягательства автоматически по зако- ну превращается в вынужденного защи- щаться обвиняемого.

Во-вторых, элементом на этот раз процессуального упрощенчества является действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации³ (далее — УПК РФ), который буквально заставляет следователя предъявлять обвинение по максимуму, «с запасом». При этом органы предварительного расследования обы- чно утешают себя тем, что если они где-то и переборщили с обвинением, то суды их вовремя поправят⁴. К сожалению, это про- исходит далеко не всегда, поэтому нами также отмечалось, что региональные су- ды в силу целого ряда обстоятельств не

¹ Колоколов Н.А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84–89; Колоколов Н.А. Право на необходимую оборону: практика Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. 2021. № 9. С. 50–59; более подробно: Колоколов Н.А. Право на необходимую оборону: практика Верховного Суда РФ // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 104–124.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов — иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 15–21; № 2. С. 2–8; 2006. № 1. С. 2–7; № 2. С. 3–7.

спешат от этого искусственного «запаса обвинения» избавляться, принципиальность проявляют только высшие судебные инстанции⁵.

В-третьих, что весьма значимо, и органы предварительного расследования, и некоторые суды игнорируют доводы, приводимые адвокатами в интересах их подзащитных, посмеявшись оказать сопротивление нападающим на них лицам, забывая о том, что адвокат суду — не враг, а помощник⁶. Попробуем проиллюстрировать данные тезисы на конкретных примерах.

Президент РФ В.В. Путин 27 января 2022 г. по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 9 декабря 2021 г., утвердил перечень поручений. В числе прочего Верховному Суду Российской Федерации (далее — ВС РФ) рекомендовано обобщить судебную практику по уголовным делам, связанным с превышением пределов необходимой обороны при защите от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, а также подготовить по итогам обобщения соответствующие разъяснения⁷.

1. Задыхаясь терпеть побои или обороняться?

По версии органов предварительного расследования, Воробьева, ударив ножом избивавшего ее Руденко, действуя с прямым конкретизированным умыслом, причинила тяжкий вред здоровью последнего. Несмотря на то что сторона защиты, опираясь на объективно существующие материалы уголовного дела, последовательно настаивала на том, что избиваемая потерпевшим подсудимая действовала в

рамках необходимой обороны, по приговору Быковского районного суда Волгоградской области от 10 июня 2020 г. она была осуждена по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ к лишению свободы на два года, правда с отсрочкой отбывания наказания до достижения ее ребенком четырнадцатилетнего возраста. Думается, что суд первой инстанции, с самого начала добросовестно разобравшись в реальных обстоятельствах дела, фактически «спустил его на тормозах».

Суд второй инстанции по линии защиты интересов осужденной пошел еще дальше: апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 11 августа 2020 г. приговор изменен: действия Воробьевой переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ, по которой назначено наказание в виде исправительных работ на 6 месяцев с удержанием 5% заработной платы в доход государства, условно, с испытательным сроком 6 мес.

Далее проверку дела Воробьевой осуществлял экстерриториальный суд первой кассации, никаких нарушений закона в квалификации содеянного осужденной он не выявил, по его мнению, она должна была защищаться, не причиняя никакого вреда потерпевшему, а если уж и причинить ему какой-либо вред, то значительно меньший, чем тяжкий. Поэтому определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2020 г. вышеуказанные судебные решения оставлены без изменения.

2. Позиция стороны защиты

В кассационной жалобе, адресованной в Судебную коллегию по уголовным делам ВС РФ, адвокат Коломыйченко В.А. заявил, что Воробьева подлежит оправданию, поскольку ее действия не вышли за пределы необходимой обороны. Свою позицию автор жалобы мотивировал последовательными показаниями самой Воробьевой, согласно которым потерпевший Руденко, находясь в состоянии алкогольного опьянения, на глазах у малолетней

⁵ Колоколов Н.А. Обвинение «с запасом» заметила только вторая кассация // Уголовный процесс. 2020. № 3. С. 56–63.

⁶ Колоколов Н.А. Адвокат — суду не враг, адвокат — суду помощник // Евразийская адвокатура. 2014. № 2 (9). С. 7–12.

⁷ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67660>

дочери беспричинно набросился на осужденную, стал ее душить, в этот момент Воробьева, правомерно опасаясь за свою жизнь, нанесла Руденко ножевое ранение.

3. Позиция органов прокуратуры

Как следует из материалов уголовного дела в отношении Воробьевой, органы прокуратуры в силу непонятных причин изначально не заметили того факта, что осужденная потерпевшим Руденко была поставлена в состояние необходимой обороны. В этом отношении примечательно выступление прокурора Генеральной прокуратуры Российской Федерации уже во второй кассации. По его мнению, жалоба адвоката Коломыйченко В.А. удовлетворению не подлежала, так как вопреки утверждениям защитника нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, судами допущено не было. Доводы о причинении Воробьевой ножевого ранения потерпевшему в состоянии необходимой обороны уже были неоднократно проверены судами апелляционной и кассационной инстанций и обоснованно опровергнуты. Как поясняла Воробьева в первоначальных показаниях, потерпевший одной рукой держал ее за горло, но не душил, а второй наносил удары по голове и телу. Пытаясь вырваться и держа нож в руке, она нанесла потерпевшему один удар ножом в грудную клетку. Отсутствие телесных повреждений на шее осужденной опровергает ее дальнейшие измененные показания об удушении и свидетельствует, что потерпевший всего лишь «держал Воробьеву за горло». Имеющиеся на теле потерпевшей следы побоев и обстоятельства их причинения не создавали какой-либо опасности для жизни Воробьевой в момент их нанесения⁸. Безусловно, что в этом месте возникает весьма правомерный вопрос к прокурору: как

долго удерживаемая за горло осужденная должна была терпеть побои?

4. Позиция Судебной коллегия по уголовным делам ВС РФ

В соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. Такие нарушения допущены при рассмотрении уголовного дела в отношении Воробьевой.

Согласно приговору, преступление совершено при следующих обстоятельствах. Третьего сентября 2019 г. Воробьева находилась дома на кухне. Между ней и Руденко на почве личной неприязни возникла ссора, зачинщиком которой являлся потерпевший. В тот момент, когда Воробьева на столе резала ножом хлеб, Руденко развернул ее к себе лицом, запястием левой руки придавил шею, а правой рукой нанес два удара в область плеч, причинив физическую боль. Оттолкнув от себя Руденко, Воробьева умышленно нанесла последнему удар ножом в область левой половины грудной клетки, причинив ранение, проникающее в грудную полость, с повреждением плевры, левого легкого, перикарда, сердца, осложнившееся развитием гемоперикарда и гемоторакса, которое квалифицируется как тяжкий вред здоровью.

Суд первой инстанции, квалифицируя действия Воробьевой по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, исходил из того, что поведение Руденко не создавало никакой угрозы для жизни и здоровья осужденной.

Апелляция пришла к выводу, что суд первой инстанции все же надлежащим образом исследовал представленные доказательства, объективно оценил показания Воробьевой как достоверные, правомерно положил их в основу приговора, однако необоснованно отверг ее доводы о том, что ножевое ранение потерпевшему она нанесла, обороняясь от нападения с его стороны.

⁸ См. протокол судебного заседания по рассмотрению дела № 16-УД21-14-К4 в кассационном порядке от 2 сентября 2021 г. // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/11160395>

В то же время из последовательных показаний Воробьевой как в стадии предварительного расследования, так и в суде следует, что Руденко, находясь в состоянии алкогольного опьянения, становился агрессивным, применял к ней насилие. Третьего сентября он был сильно пьян. Она зашла на кухню, чтобы накормить дочь, и стала резать хлеб. Руденко стал оскорблять ее нецензурной бранью, она тоже ему ответила грубо, после чего потерпевший развернул ее, повалил на стол, одной рукой надавил на горло, а другой стал наносить удары, в том числе и в голову. Она стала задыхаться и поняла, что не может вырваться, поэтому ударила его ножом.

Апелляционная инстанция установила, что показания Воробьевой согласуются с иными исследованными доказательствами, в частности с показаниями свидетеля Капашаевой, врача-офтальмолога Дорожей, фельдшера Гребенникова, которые сразу после совершения преступления наблюдали у Воробьевой покраснение в области шеи, кровоизлияние и отек глаза, гематомы на бедре и плечах, с содержанием записей в медицинской карте Воробьевой от 3 и 10 сентября, с заключением эксперта № 111 от 23 сентября 2019 г. о наличии у Воробьевой телесных повреждений в виде гематом в области плеч.

Весьма примечательно и то, что потерпевший Руденко никогда не скрывал ни от следствия, ни от суда тот факт, что он непосредственно до ранения держал Воробьеву за горло, избивал ее, нанося удары, в том числе по голове.

Оценивая перечисленные доказательства, добытые еще на стадии предварительного расследования и проверенные в суде первой инстанции, апелляция пришла к весьма своеобразному выводу: действия потерпевшего (нанесение ударов, удерживание и надавливание на горло) хотя и представляли угрозу для здоровья Воробьевой, но не создавали угрозы для жизни только потому, что потерпевший не применял каких-либо предметов. Только

в силу данного обстоятельства Воробьева, причиняя ножевое ранение потерпевшему, действовала с превышением необходимой обороны.

Очевидно, что данный вывод суда апелляционной инстанции сделан с существенным нарушением положений ст. 37 УК РФ. В соответствии со ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Согласно разъяснениям, данным в п. 2, 10 Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19⁹, общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица.

О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности, применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица, например удушение.

При защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

Указанные положения закона и разъяснения, изложенные в Постановлении Пле-

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

нума ВС РФ, не учтены судами при принятии решений.

Суд апелляционной инстанции установил, что Воробьева нанесла ножевое ранение Руденко в момент нападения на нее потерпевшего, пытаясь защититься от его неправомерных действий, в том числе связанных с надавливанием на горло, при этом признал достоверными показания Воробьевой о том, что в результате сдавливания горла она стала задыхаться и поняла, что не может вырваться, в связи с чем и ударила потерпевшего ножом, когда пыталась оттолкнуть. Между тем действия потерпевшего, связанные с надавливанием на горло, от которых потерпевшая стала задыхаться, свидетельствуют о реальной угрозе ее жизни. Воробьева нанесла Руденко единственный удар ножом именно в момент реальной опасности для ее жизни с целью своего спасения. Таким образом, по смыслу ч. 1 ст. 37 УК РФ установленные судами действия Воробьевой не являются преступлением.

Согласно пункту 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению при отсутствии в деянии состава преступления, что, в свою очередь, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ является основанием и для прекращения уголовного преследования лица.

При наличии вышеуказанных процессуальных оснований суд кассационной инстанции, согласно п. 2 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ, отменяет приговор и все последующие судебные решения и прекращает производство по данному уголовному делу.

Судебной коллегией по уголовным делам Четвертого КСОЮ допущенные судами первой и апелляционной инстанции ошибки не были исправлены.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ определила: *во-первых*, приговор Быковского районного суда Волгоградской области, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областно-

го суда и определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции отменить, уголовное дело в отношении Воробьевой по обвинению ее в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, прекратить за отсутствием в ее действиях состава преступления; *во-вторых*, признать за Воробьевой право на реабилитацию¹⁰.

Как видим, изначально было объективно установлено, что Воробьева в момент преступного посягательства на нее находилась в состоянии необходимой обороны. Неслучайно в определении суда второй кассации указано, что «согласно п. 2 ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело в отношении лица, пребывающего в состоянии необходимой обороны, не может быть возбуждено».

При таких обстоятельствах органы предварительного расследования по факту причинения тяжкого вреда здоровью Руденко, естественно после проведения соответствующей доследственной проверки, были просто обязаны отказать в возбуждении уголовного дела. Постановление о незаконном возбуждении уголовного дела должен был отменить компетентный прокурор (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). В анализируемом примере этого не случилось, прокуратура полностью согласилась с позицией следствия, и дело в отношении Воробьевой было направлено в суд с обвинительным заключением.

Что же смущало следователя, прокурора суды первой, апелляционной и первой кассационной инстанции? Из процессуальных документов усматривается, что только отсутствие какого-либо оружия в руках Руденко. Да, потерпевший душил Воробьеву, да, он сам этого никогда не отрицал, но ведь дальше кровоподтека на шее дело не пошло, и что, из-за этого резать потерпевшего ножом? Вот он, порок

¹⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 сентября 2021 г. № 16-УД21-14-К4 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 г.

уголовно-правовой концепции о соизмеримости нападения и защиты — приоритет отдается не праву жертвы на защиту от преступного посягательства, а защите жизни и здоровья лица, осуществляющего данное посягательство.

5. Для установления право на необходимую оборону суд второй инстанции переоценил вердикт присяжных

5.1. Позиция суда первой инстанции

Органами предварительного расследования Ямашев обвинялся, в частности, в том, что 18 июля 2020 г. он совершил убийство Беляева. На основании вердикта коллегии присяжных заседателей приговором Верховного Суда Республики Татарстан от 16 апреля 2021 г. Ямашев был признан виновным в убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны, и по ч. 1 ст. 108 УК РФ осужден к одному году двум месяцам лишения свободы. Одновременно было постановлено взыскать с Ямашева в счет компенсации морального вреда в пользу Игнатьевой — 150 000 руб., Дюпина — 100 000 руб.

5.2. Новая оценка вердикту присяжных

Суд второй инстанции дал свою собственную оценку вердикту коллегии присяжных, в результате чего апелляционным определением Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 13 июля 2021 г. приговор в части осуждения Ямашева Я.С. по ч. 1 ст. 108 УК РФ был отменен с прекращением уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием состава преступления. Этот же приговор в части взыскания с Ямашева компенсации морального вреда в пользу указанных лиц отменен, а их гражданские иски оставлены без рассмотрения.

5.3. Позиция потерпевшей

В кассационной жалобе представитель потерпевшей Игнатьевой — адвокат Бадурдинов Л.И. — просил состоявшиеся в отношении Ямашева судебные решения отменить с передачей дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку суд первой инстанции на-

рушил правила рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей.

Также незаконным является и апелляционное определение, поскольку в действиях осужденного, признанных доказанными вердиктом, отсутствуют признаки необходимой обороны от посягательства, представляющего угрозу жизни обороняющегося. Суд второй инстанции при принятии своего решения взял за основу показания Ямашева в суде, которые являются ложными, так как он признавал свою вину и в явке с повинной, и показаниях, данных в ходе предварительного следствия.

5.4. Производство по делу в кассации

Данная жалоба была рассмотрена Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ в порядке сплошной. Примечательно, что в этот раз прокурор Генеральной прокуратуры РФ уже полагал, что жалобу представителя потерпевшей следует отклонить.

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что суд второй инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что приговор в части осуждения Ямашева по ч. 1 ст. 108 УПК РФ подлежит отмене, а уголовное дело — прекращению за отсутствием в действиях Ямашева состава преступления. Вердиктом коллегии присяжных заседателей Ямашев признан виновным в совершении преступления при следующих обстоятельствах.

Ямашев «в ответ на действия зачинщика конфликта Беляева, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, который схватил Ямашева за шею, потащил его, уронил, залез на него сверху, нанес несколько ударов рукой по голове и стал душировать Ямашева, отчего последний начал терять сознание, при этом Ямашев неустановленным колюще-режущим предметом нанес удары Беляеву», в результате которых наступила его смерть.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. по защите личности и прав обороняющегося от общественно

опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Установленные вердиктом присяжных заседателей действия Беляева свидетельствуют о наличии реальной угрозы жизни Ямашева. При защите от посягательства, сопряженного с непосредственной угрозой применения насилия, опасного для жизни обороняющегося, это лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу и имеет право на применение любых мер по защите своей жизни. При этом судом второй инстанции обоснованно учтено субъективное восприятие Ямашевым возникшей конфликтной ситуации, внезапность действий Беляева, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, интенсивные действия последнего, представляющие угрозу для жизни обороняющегося.

Исходя из обстоятельств, установленных вердиктом коллегии присяжных заседателей, суд апелляционной инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что у Ямашева имелись основания обороняться от действий посягавшего на его жизнь Беляева и он действовал в пределах необходимой обороны¹¹.

Определенный интерес представляет принципиальная позиция прокурора Генеральной прокуратуры РФ в суде кассационной инстанции, который констатировал, что, вопреки утверждениям представителя потерпевшей, судья в напутственном слове сообщил коллегии присяжных позицию стороны защиты о том, что не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны. Выводы суда апелляционной инстанции относительно отсутствия в действиях Ямашева состава преступления являются правильными. Доводы же жалобы

по существу сводятся к переоценке сделанных судом апелляционной инстанции выводов по данному вопросу и не свидетельствуют о нарушениях норм уголовного или уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела. Из вердикта коллегии присяжных заседателей следует, что Ямашев причинил смерть Беляеву в ответ на действия последнего, явившегося начинщиком конфликта и находящегося в состоянии алкогольного опьянения, выразившиеся в том, что Беляев схватил Ямашева за шею, потащил и уронил его, залез сверху на Ямашева, нанес несколько ударов рукой по его голове и стал душить последнего, отчего тот начал терять сознание. Установленные коллегией обстоятельства, полагаю, правильно оценены судом апелляционной инстанции, оснований для отмены принятого решения не имеется. На основании изложенного кассационная жалоба представителя потерпевшей оставлена без удовлетворения¹².

6. Право на необходимую оборону: суды первой и второй инстанции проигнорировали записи с камер видеонаблюдения

Все возрастающую роль в раскрытии и расследовании преступлений играют записи с камер видеонаблюдения — бесстрастные помощники, объективно отражающие ход имевших место событий. В целом ряде случаев только наличие записей с камер видеонаблюдения позволяет органам предварительного расследования конкретизировать и детализировать сведения, получаемые от свидетелей, устранить противоречия в их показаниях. Порой даже получается, что свидетели в суде уже не в состоянии четко разделить, что именно они помнят как очевидцы, а что в информации о событии преступления они подправили уже после того, как следователь продемонстрировал им соответствующие видеозаписи.

¹¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 9 ноября 2021 г. № 11-УД21-50сп-А4 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 г. URL: <https://www.vsrif.ru/lk/practice/cases/11260107#11260107>

¹² См. протокол судебного заседания от 9 ноября 2021 г. по рассмотрению дела № 11-УД21-50сп-А4 в кассационном порядке // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 г.

В свое время четкий ответ на вопрос, как относиться к такой «уточненной» информации, дал Московский городской суд по делу Кокорина, Мамаева и Протасовицкого, отметив, что факт демонстрации в ряде случаев в процессе допросов свидетелей видеозаписей не ставит под сомнение достоверность их показаний и не является основанием для их исключения из перечня доказательств, тем более свидетели давали показания о непосредственно наблюдаемых ими обстоятельствах, ориентируясь на собственные воспоминания и впечатления, что и было подтверждено свидетелями в ходе судебного следствия. В связи с этим судебная коллегия признала показания указанных лиц допустимыми доказательствами¹³.

К сожалению, в судебной практике встречаются случаи, когда судебные инстанции частично, а то и полностью игнорируют неудобную для них информацию, содержащуюся в записях с камер видеонаблюдения.

6.1. Конфликт в ресторане «Райская трапеза»

Согласно версии стороны обвинения, Исламов не только незаконно хранил и носил огнестрельное оружие и боеприпасы, но и группой лиц совершил убийство Гусейнова. За совершение данных действий по приговору Московского городского суда от 15 октября 2020 г. Исламов осужден к лишению свободы по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 12 годам, по ч. 1 ст. 222 УК РФ к двум годам, а на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений к 13 годам с ограничением свободы на два года.

6.2. Позиция стороны обвинения

Сторона защиты, обжалуя приговор, заявила, что выводы суда об умышленном причинении осужденным смерти Гусейнову абсолютно не соответствуют фактическим обстоятельствам дела. Суд не учел, что действия Исламова явились вполне

адекватным ответом на агрессивное поведение потерпевшего в ресторане «Райская трапеза». Гусейнов не только высказывал в адрес осужденного угрозы, но при этом демонстративно перезаряжал свой пистолет. Данные социально опасные действия потерпевшего обусловили появление у Исламова чувств страха, тревоги и эмоционального перенапряжения. Будучи вынужденным защитить свою жизнь и здоровье, а равно жизнь и здоровье очевидцев произошедшего конфликта, Исламов был вынужден произвести выстрел в плечо Гусейнову.

В подтверждение данного тезиса сторона защиты обратила внимание суда на записи с камер видеонаблюдения, содержание которых однозначно позволяет сделать вывод о том, что у потерпевшего было оружие, однако после выстрелов, произведенных Исламовым, к телу потерпевшего подбежал человек, который обыскал труп Гусейнова и забрал у него пистолет.

Однако данный факт суд проигнорировал и в приговоре указал, что не имеется оснований полагать, что кто-либо из участников конфликта забрал что-либо у лежащего Гусейнова, а при осмотре трупа оружия обнаружено не было. Данное обстоятельство сторона защиты квалифицировала как умышленное искажение судом доказательств, опровергающих доводы обвинения и подтверждающих версию защиты, что является грубым отступлением от принципов состязательности и равноправия сторон.

Суд апелляционной инстанции фактически признал наличие у потерпевшего оружия, однако должной оценки этому обстоятельству не дал, в результате чего апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2021 г. приговор в отношении Исламова был оставлен без изменения.

6.3. Позиция Судебной коллегии ВС РФ

Судебная коллегия, отменяя определение суда второй инстанции и направ-

¹³ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 13 июня 2019 г. // Электронный архив Московского городского суда за 2019 г.

ляя дело на новое апелляционное рассмотрение, указала следующее. Как следует из приговора, ряд свидетелей, которые наблюдали конфликтную ситуацию, видели в руках Гусейнова и Микдарова предметы, похожие на пистолеты. Оценивая эти показания, суд пришел к выводу, что наличие у погибшего Гусейнова какого-либо огнестрельного оружия ничем объективно не подтверждено, поскольку из просмотренной в ходе судебного заседания видеозаписи рассматриваемых событий (с камеры наблюдения ресторана) с учетом ее качества однозначно сделать такой вывод не представляется возможным.

В суде апелляционной инстанции жалоба защиты была рассмотрена без исследования доказательств, исследованных судом первой инстанции. При этом в апелляционном определении указано, что суд первой инстанции установил, что погибший Гусейнов во время конфликта не использовал какое-либо огнестрельное оружие, наличие которого еще не свидетельствует о посягательстве, сопряженном с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Таким образом, суд апелляционной инстанции вопреки позиции суда первой инстанции пришел к выводу о наличии у потерпевшего Гусейнова огнестрельного оружия, которое он не использовал, т.е. тем самым без исследования доказательств, по сути, установил новые фактические обстоятельства.

Кроме того, суд второй инстанции в определении не ответил на довод апелляционной жалобы о том, что суд в приговоре допустил нарушение требований ст. 307 УПК РФ, выразившееся в неполном описании в приговоре содержания видеозаписи с камер видеонаблюдения ресторана «Райская трапеза» в части имеющегося у потерпевшего оружия. Как следует из приговора, суд в обоснование своего вывода о том, что наличие пистолета у потерпевшего объективно не подтверждено, указал, что у суда нет оснований по-

лагать, что кто-либо из лиц, наблюдавших конфликт, забрал что-либо у лежащего Гусейнова, кроме того, и при осмотре трупа и места происшествия оружия обнаружено не было.

Как видно из протокола судебного заседания, в суде был просмотрен файл ch04_20181211213434 только с 22 часов 11 минут 00 секунд до 22 часов 13 минут 30 секунд.

Из протокола осмотра предметов (документов) от 18 января 2019 г., исследованного в судебном заседании, известно, что к телу Гусейнова подбегает неустановленное лицо, начинает обыскивать потерпевшего, забирает у Гусейнова неустановленный предмет, внешне схожий с пистолетом, а также иные неустановленные предметы.

Как видно на указанной видеозаписи, действительно, в 22 часа 15 минут 37 секунд к телу убитого Гусейнова подбегает лицо, одетое в куртку болотного цвета, серую кепку, голубые джинсы и кроссовки, и начинает обыскивать потерпевшего, лежащего на полу, забирает у него предмет, внешне схожий с пистолетом, и прячет его под куртку¹⁴.

Основные научно-практические выводы

1. Существующая уголовно-правовая концепция о соразмерности мер нападения и защиты удушающим образом воздействует на признание за жертвой преступления право на самозащиту. Органы предварительного расследования, прокуроры и некоторые судебные инстанции толкуют данную правовую категорию упрощенно, понимая под реальной угрозой жизни и здоровью, как во время дуэли, равенство оружия. Ярким примером такого примитивного понимания сути соразмерности нападения и защиты является суждение высказанной одной из судебных инстанций по делу Воробьевой — ведь в руках душившего ее Руденко ничего не бы-

¹⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 28 декабря 2021 г. № 5-УД21-138-А1 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2021 г.

ло. Квинтэссенцией такого подхода к толкованию положений ст. 37 УК РФ является суждение, высказанное прокурором во второй кассации, — потерпевшей всего-навсего были причинены побои, где повод для защиты.

2. Идеология УПК РФ буквально пронизана обвинительным уклоном, поскольку требует от следователя задолго до разрешения дела в суде придать обвинению такой импульс, чтобы его с запасом хватило до самой последней судебной инстанции. Не будем спорить, никто не мешает прокурору своевременно отменить постановление о возбуждении уголовного дела, отказать в утверждении обвинительно-

го заключения, отказаться от обвинения в любой из многочисленных судебных инстанций. Однако приведенные примеры свидетельствуют, что такое поведение прокуроры демонстрируют далеко не всегда.

3. Третий пример наглядно демонстрирует, к чему приводит игнорирование судами законных ходатайств стороны защиты. Почему суды первой и второй инстанций на самом деле отказались исследовать видеозаписи конфликта в полном объеме, нам остается только гадать. С удовлетворением только отмечаем, что Судебная коллегия по уголовным делам обязала апелляцию сделать то, что ей предписано процессуальным законом.

Литература

1. Колоколов Н.А. Адвокат — суду не враг, адвокат — суду помощник / Н.А. Колоколов // Евразийская адвокатура. 2014. № 2 (9). С. 7–12.
2. Колоколов Н.А. Вынужденная самооборона в СИЗО. Кассационный суд пересмотрел фактические обстоятельства дела / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 84–89.
3. Колоколов Н.А. Обвинение «с запасом» заметила только вторая кассация / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2020. № 3. С. 56–63.
4. Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов — иллюзия или реальность / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2005. № 1. С. 15–21.
5. Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов — иллюзия или реальность / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2005. № 2. С. 2–8.
6. Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов — иллюзия или реальность / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 2–7.
7. Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: баланс интересов — иллюзия или реальность / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2006. № 2. С. 3–7.
8. Колоколов Н.А. Право на необходимую оборону: практика Верховного Суда РФ / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. 2021. № 9. С. 50–59.
9. Колоколов Н.А. Право на необходимую оборону: практика Верховного Суда РФ / Н.А. Колоколов // Российский правовой журнал. 2021. № 2 (7). С. 104–124.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В Издательской группе «Юрист» можно приобрести интересные книги по различным отраслям права.

С перечнем изданий Вы можете ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист»: <http://lawinfo.ru/about/news/news/15964/>.

По вопросам приобретения заинтересовавшего Вас издания просим обращаться к Сушковой Кристине Вадимовне по адресу: av@lawinfo.ru или номеру телефона: 8 (495) 953-91-08.

Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения

Стельмах Владимир Юрьевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института Министерства внутренних дел России,
кандидат юридических наук, доцент
vstelmah@mail.ru

В статье предпринята попытка анализа особенностей дознания, производимого следователем Следственного комитета Российской Федерации. Автор отмечает, что порядок дознания в этом случае законом регламентирован неполно, что создает риски принятия ошибочных решений и признания собранных доказательств недопустимыми. Анализируются положения ведомственных нормативных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в которых детализируются полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью следователя, производящего дознание. Рассматриваются некоторые наиболее спорные ситуации, соотношение прав прокурора и руководителя следственного органа. Констатируется наличие серьезных пробелов, устранение которых в рамках существующей принципиальной модели практически невозможно. Предлагается отказаться от действующего порядка и предусмотреть либо расследование соответствующих уголовных дел в форме предварительного следствия, либо отказ от персональной подследственности таких дел.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, дознание, следователь Следственного комитета, руководитель следственного органа, прокурор, подследственность.

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает две формы предварительного расследования — предварительное следствие и дознание. Несмотря на то что принципиальных различий между предварительным следствием и дознанием (по крайней мере, дознанием в общей форме) практически не имеется, дознание традиционно рассматривается как несколько упрощенная форма расследования. Поэтому уголовные дела в отношении лиц, нуждающихся в повышенном уровне защиты, для которых установлены особенности судопроизводства, расследуются, как правило, в форме предварительного следствия. Считается, что именно эта форма расследования, совокупность предусмотренных ею процедур и механизмов процессуального контроля и надзора, обеспечивает максимальные гарантии соблюдения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, в то время как отсутствие этих гарантий для субъектов, не в

полной мере способных самостоятельно отстаивать свои права и интересы, может повлечь принятие по делу незаконного и необоснованного решения.

В статье 1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) закреплено единство порядка судопроизводства на всей территории Российской Федерации, что является важным проявлением конституционного принципа равенства всех граждан перед законом и судом. Вместе с тем из этого общего правила имеются определенные исключения, одно из которых — законодательные установленные особенности уголовного судопроизводства в отношении лиц, осуществляющих некоторые виды публично-правовой деятельности. В отличие от несовершеннолетних и граждан с психическими расстройствами, кото-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

рые не в состоянии самостоятельно защищать свои интересы, указанные субъекты повышенной уязвимостью не характеризуются, природа установления особенностей производства для них носит иной характер. Эти особенности выступают прежде всего гарантиями, обеспечивающими эффективную и беспрепятственную реализацию соответствующими субъектами своих социально-значимых полномочий.

Одной из особенностей уголовно-процессуального порядка расследования дел в отношении отмеченных категорий лиц является установление персональной подследственности. Указанные дела должны расследоваться следователями Следственного комитета Российской Федерации. Вместе с тем законодатель отказался от того, чтобы все подобные дела расследовались в форме предварительного следствия. Сочетание указанных факторов привело к возникновению своеобразной правовой конструкции — возможности расследования уголовного дела в форме дознания следователем Следственного комитета Российской Федерации, в том числе военным следственным подразделением².

В науке справедливо обращается внимание на то, что данный порядок является не рекомендательным, а обязательным, и проведение в указанной ситуации расследования в форме предварительного следствия допустимо исключительно по решению прокурора³. Иными словами, следователь не вправе по собственной инициативе произвести по уголовному делу не дознание, а следствие. Одновременно с этим необходимо отметить, что порядок производства дознания следователем регламентирован крайне лаконично, и содержание норм УПК РФ не дает ответа на ряд важных вопросов, касающихся реализации законодательных положений.

² Меркурьев В.В. Обеспечение законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 2. С. 7.

³ Топориков М.А. Надзор за расследованием преступлений в форме дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2015. № 8. С. 17.

В соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации допустимо при одновременном наличии двух взаимосвязанных условий. *Во-первых*, дело должно относиться к предметной подследственности органов дознания в соответствии с ч. 3 ст. 150 УПК РФ. *Во-вторых*, преступление совершается субъектами, перечисленными в подп. «б» и «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ. Указанные субъекты подразделяются на две группы. *Во-первых*, это лица, названные в ст. 447 УПК РФ; *во-вторых*, это некоторые категории должностных лиц, к которым относятся: а) должностные лица перечисленных в УПК РФ правоохранительных органов; б) военнослужащие и приравненные к ним лица, но только если преступление совершено ими либо в связи с исполнением своих служебных обязанностей, либо в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона.

Данное разделение имеет существенное практическое значение, поскольку в отношении лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, дознание может производиться только в общем порядке, сокращенная форма дознания по данным делам не применяется (п. 3 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). При этом в отношении других категорий лиц (например, военнослужащих) допускается проведение дознания не только в общей, но и в сокращенной форме.

Следует учитывать некоторую непоследовательность законодателя при установлении персональной подследственности. Она применяется, только если преступление совершено лицом в связи с осуществлением своей служебной деятельности⁴, однако не распространяется на случаи, когда преступление совершено в отношении лица, хотя бы данное деяние также было связано со служебной деятельностью этого лица. Во всяком случае, буквальное содержание п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ именно таково.

⁴ Дикарев И.С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 115.

Не вполне понятен порядок проведения расследования следователем в форме дознания. При этом точное уяснение этого порядка крайне важно, поскольку его несоблюдение повлечет признание всех собранных доказательств недопустимыми. Нельзя полагать, что поскольку расследование, независимо от его формы, производится одним и тем же субъектом (следователем Следственного комитета Российской Федерации), порядок расследования не имеет значения и не сказывается на допустимости полученных сведений. Необходимо учитывать, что допустимость доказательств определяется не столько субъектом проведения следственных действий, сколько, прежде всего, соблюдением предусмотренных уголовно-процессуальным законом процедур, характерных для той или иной формы расследования.

Очевидно, что производство расследования в форме дознания предполагает соблюдение следующих правил. *Во-первых*, срок расследования составляет не два месяца, а 30 суток. Продление этого срока также должно производиться как при производстве дознания — до 60 суток, затем до шести месяцев и при наличии запроса о правовой помощи в иностранное государство — максимум до 12 месяцев.

Во-вторых, по общему правилу, в процессе расследования не выносятся постановления о привлечении в качестве обвиняемого (за исключением прямо указанного в УПК РФ случая, когда в ходе дознания избирается мера пресечения в виде заключения под стражу и после этого обвинительный акт не может быть составлен в течение 10 суток).

В-третьих, по итогам расследования составляется не обвинительное заключение, а обвинительный акт или обвинительное постановление⁵.

Возникает вопрос, вправе ли производящий дознание следователь выносить такой процессуальный документ, как уведомление о подозрении. С одной стороны, его вынесение в рамках предварительного следствия законом не предусмотрено. С другой стороны, поскольку следователь производит до-

знание, к его деятельности в полной мере применяются правила, закрепленные в гл. 32 УПК РФ, в том числе и право на вынесение уведомления о подозрении.

По большому счету, эти особенности не являются настолько существенными, чтобы они не могли применяться следователем. Проблема в большей степени касается руководителя следственного органа, которому придется принимать решения, прямо не указанные в законе: продлевать сроки дознания, утверждать обвинительный акт. Очевидно, что данные процессуальные полномочия должны реализовываться по аналогии либо с прокурором, либо с начальником органа дознания.

При этом неясно, каким субъектом должны согласовываться ходатайства следователя о производстве процессуальных действий или избрании мер процессуального принуждения. По общему правилу, основным субъектом процессуального руководства за дознанием выступает прокурор, и в рамках дознания согласование указанных решений осуществляется прокурором. Однако в абз. 1 п. 1.15 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»⁶ закреплена обязанность прокуроров исходить из того, что полномочия прокурора определяются процессуальным положением следователя, а не формой предварительного расследования. Исходя из этого, по делам, расследуемым следователями Следственного комитета Российской Федерации в форме дознания, принятие таких решений, как продление процессуальных сроков, согласование ходатайств перед судом о производстве процессуальных действий и избрании мер процессуального принуждения, создание следственной группы, осуществляется не прокурором, а руководителем следственного органа.

Следует отметить, что в названном приказе Генерального прокурора Российской Федерации содержится не просто разъяснение отдельных аспектов реализации прокурором

⁵ Горюнов В.В. Дознание по правилам следствия // Законность. 2012. № 6. С. 18.

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

своих полномочий, а по сути, доктринальное толкование закона, поскольку обусловленность объем надзорных прав прокурора не формой расследования, а статусом лица, производящего расследование, напрямую никак не следует из текста УПК РФ.

Даже если безоговорочно согласиться с указанным нормативным актом, остаются проблемы определения субъекта процессуального руководства дознанием, производимого следователем. По сути, в указанном случае при проведении дознания появляется такой участник, как руководитель следственного органа. При производстве дознания такой субъект, по общему правилу, отсутствует. Разумеется, нельзя приравнять руководителя следственного органа к начальнику органа дознания, поскольку процессуальные права этих участников судопроизводства слишком сильно отличаются, и применение аналогии закона в данной ситуации просто неуместно.

Возникает еще одна проблема. В статье 448 УПК РФ говорится, что возбуждение уголовного дела в отношении субъектов, указанных в ст. 447 УПК РФ, производится вышестоящими руководителями следственного органа Следственного комитета Российской Федерации различного уровня (по району, по субъекту Российской Федерации либо председателем Следственного комитета Российской Федерации или его заместителем). Данный порядок является общим и не зависит ни от степени тяжести преступления, ни от предполагаемой формы предварительного расследования. При этом совершенно очевидно, что возбуждение уголовного дела руководителем следственного органа предполагает дальнейшее производство по этому делу тем же следственным органом. Получается, что вышестоящий руководитель следственного органа, возбуждая уголовное дело, должен при принятии данного решения сразу же указать, в какой форме — предварительного следствия или дознания — должно осуществляться расследование. Важно и то, что прокурор не вправе давать указания следователям Следственного комитета Российской Федерации об изменении формы расследования⁷, по-

⁷ Анганзоров О.В. Дознание или следствие? // Законность. 2013. № 11. С. 48.

этому соответствующее решение необходимо принимать одновременно с возбуждением уголовного дела.

Очевидно, что указанный порядок должен распространяться на дела частного обвинения, если преступление совершено лицом, указанным в ст. 447 УПК РФ. С одной стороны, в данной ситуации закон требует производства по делу в публичном порядке. С другой стороны, по правилам подследственности расследование такого дела необходимо осуществлять в форме дознания⁸.

Таким образом, сложившаяся практика исходит из того, что прокурор при осуществлении надзора за расследованием уголовного дела в форме дознания следователем в целом наделен такими же полномочиями, что и в производстве предварительного следствия. Однако при рассмотрении уголовного дела, представленного с обвинительным актом (обвинительным постановлением), прокурор обладает полномочиями, регламентированными в ст. 226 УПК РФ, т.е. имеет право принять следующие решения:

— прекратить дело по предусмотренным в законе основаниям;

— исключить из обвинительного акта (обвинительного постановления) отдельные пункты обвинения;

— переквалифицировать обвинение на менее тяжкое (абз. 2 п. 1.15 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544).

В целом необходимо отметить, что решение законодателя о возможности расследования уголовного дела в форме дознания следователем Следственного комитета Российской Федерации сложно признать удачным. Оно не позволило усилить уровень правовой защиты субъектов, которые привлекаются к уголовной ответственности в рамках данного порядка. Вместе с тем созданы многочисленные пробелы, касающиеся реализации полномочий прокурора, руководителя следственного органа и сле-

⁸ Титов П.М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 75.

дователя, сроков расследования, принятия тех или иных процессуальных решений.

Решение указанных проблем может быть достигнуто двумя способами.

Первый способ предполагает минимальные, «косметические» изменения действующего порядка. В рамках этого способа оптимальным выходом из создавшегося коллизийного положения стало бы закрепление нормы о расследовании уголовных дел, совершенных специальными субъектами, в форме предварительного следствия, на что обращается внимание в научной литературе⁹. Такой подход в полной степени соответствует сути персонального признака подследственности, имеющего приоритет над предметным признаком. Если расследование уголовного дела в отношении соответствующих субъектов принципиально отнесено к подследственности Следственного комитета Российской Федерации, то очевидно, что было бы целесообразно предусмотреть, что расследование должно осуществляться

ся в форме предварительного следствия, поскольку повышенный уровень контроля за соблюдением прав гражданина достигается благодаря не столько субъекту, производящему расследование, сколько совокупности процедур, присущих той или иной форме расследования.

Второй способ более радикален. Он предполагает существенное уменьшение круга лиц, в отношении которых применяется особый порядок судопроизводства. В целом необходимо исходить из того, что иммунитет от уголовного преследования должен предоставляться субъектам, непосредственно предусмотренным в Конституции Российской Федерации¹⁰ (далее — Конституция РФ), а иным лицам — лишь в исключительных случаях. Соответственно, вполне оправданно отказаться от особой подследственности уголовных дел в отношении субъектов, не указанных в Конституции РФ. Она должна сохраняться лишь в случаях, когда преступление связано со служебной деятельностью соответствующего должностного лица.

⁹ Мусеилов У.А. Производство дознания следователем: проблемы правового регулирования // Российский следователь. 2013. № 9. С. 12–13; Осипов А.А. О субъектах, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания по действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ // Российский следователь. 2009. № 11. С. 9–12.

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Анганзоров О.В. Дознание или следствие? / О.В. Анганзоров // Законность. 2013. № 11. С. 47–49.
2. Горюнов В.В. Дознание по правилам следствия / В.В. Горюнов // Законность. 2012. № 6. С. 17–19.
3. Дикарев И.С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации / И.С. Дикарев // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 113–125.
4. Меркурьев В.В. Обеспечение законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых предусмотрена военная служба / В.В. Меркурьев // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 2. С. 6–11.
5. Мусеилов У.А. Производство дознания следователем: проблемы правового регулирования / У.А. Мусеилов // Российский следователь. 2013. № 9. С. 12–13.
6. Осипов А.А. О субъектах, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания по действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ / А.А. Осипов // Российский следователь. 2009. № 11. С. 9–12.
7. Титов П.М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения / П.М. Титов // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 69–77.
8. Топориков М.А. Надзор за расследованием преступлений в форме дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации / М.А. Топориков // Военно-юридический журнал. 2015. № 8. С. 15–18.

Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе

Азаренок Николай Васильевич,
докторант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент
Azarenok_96@mail.ru

В статье проводится правовой анализ проблем, возникающих в ходе производства по делам частного обвинения. Рассматриваются предложения Пленума Верховного Суда РФ об исключении дел частного обвинения из УПК РФ. Данная инициатива исследуется с позиции баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: частное обвинение, возбуждение уголовного дела, прекращение уголовного дела, баланс публичного и частного интересов, уголовно преследуемое лицо, потерпевший.

В настоящее время три состава преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее — УК РФ), относятся к делам частного обвинения. По ним, как правило, нет предварительного расследования, заявление о совершении преступления подается самим потерпевшим непосредственно в мировой суд, а в случае примирения сторон уголовное дело подлежит обязательному прекращению. Заявитель-потерпевший именуется частным обвинителем, он самостоятельно, без участия прокурора, поддерживает обвинение в суде (ч. 2 ст. 20, ст. 43, ст. 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации², далее — УПК РФ).

В таких особенностях дела частного обвинения предстают в российском смешанном уголовном производстве континентально-го типа как элемент англосаксонской системы и, казалось бы, должны стать образцом для подражания в развитии всей отечественной уголовно-процессуальной деятельности

в состязательном направлении. Однако практика показала крайне низкую эффективность производства по данной категории уголовных дел, прежде всего по причине отсутствия досудебного этапа. Если по делам частного-публичного и публичного обвинения деятельность по собиранию доказательств и установлению обстоятельств деяния осуществляется органами предварительного расследования, то по делам частного обвинения вся эта работа возлагается на самого пострадавшего и мирового судью. Естественно, ни у того, ни у другого для этого нет необходимых возможностей. По словам мировых судей, им легче рассмотреть десять «обычных» уголовных дел, чем одно дело частного обвинения.

Так, из проведенного Н.П. Кирилловой интервьюирования мировых судей, рассматривающих уголовные дела частного обвинения, следует, что «потерпевшие от преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, не имеющие возможности заключить соглашение с адвокатом, не в силах самостоятельно справиться с выполнением функции уголовного преследования. В такой ситуации именно судья вынужден фактически осуществлять допросы с постановкой вопросов, изобличающих подсудимого, инициировать проведение судебных действий, помогающих осуществить процесс доказывания вины лица, обвиняемого в соверше-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

нии преступления, принимая на себя несвойственную суду функцию обвинения, что ведет к нарушению требований ст. 15 УПК РФ»³.

В результате накопленный в настоящее время практический опыт осуществления уголовно-процессуальной деятельности по делам частного обвинения свидетельствует о серьезных проблемах, с которыми столкнулось данное особое производство. Одной из них является то, что сам пострадавший не в состоянии собирать и представлять доказательства в суд, что, в свою очередь, возлагает на мирового судью массу дополнительных усилий, направленных на установление обстоятельств совершенного преступления. Другими словами, отсутствие по делам частного обвинения этапа предварительного расследования лишает суд той фактической базы, на которой выстраивается рассмотрение судом уголовного дела по существу.

Хотя доля таких дел невелика (не более 1%)⁴, в них проявилась одна особенность, придавшая им повышенную общественную значимость. Два преступления из трех — умышленное причинение легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) и нанесение побоев (ст. 116.1 УК РФ) — связаны с так называемым домашним насилием, так как чаще всего «имеют место в рамках личных отношений или в узком кругу и касаются различных членов семьи. Между тем частный порядок уголовного преследования, при котором поддержание обвинения в суде, доказывание вины подсудимого, равно как и возможность прекращения уголовного дела за примирением сторон, полностью зависят от позиции и активности потерпевшего при минимальном вмешательстве государства в обеспечение защиты и восстановления прав и свобод данного лица, что не в полной мере согласо-

уется с позицией Европейского Суда по правам человека»⁵.

В результате в апреле 2021 г. Председатель Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) В.М. Лебедев обратился в Государственную Думу России с предложением ликвидировать институт частного обвинения и перевести три указанных состава преступления в разряд дел частного-публичного обвинения. ВС РФ полагает, что «...особенности частного порядка уголовного преследования, включая фактическое отсутствие стадии предварительного расследования, свидетельствуют о том, что в настоящее время он не отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, его здоровья, чести, достоинства и репутации от соответствующих общественно опасных посягательств, а также не согласуется с политикой государства в области обеспечения безопасности личности и противодействия преступности, в том числе предупреждения “домашнего” насилия»⁶.

Перевод указанных деяний в категорию уголовных дел частного-публичного обвинения предполагает обязательное производство предварительного расследования с возложением бремени доказывания на органы дознания, а в суде — на прокурора, выступающего в роли государственного обвинителя.

Отдельные юристы положительно восприняли это предложение. Еще до инициативы ВС РФ

³ Кириллова Н.П. Уголовно-процессуальный конфликт и реализация уголовно-процессуальных функций в суде // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 24–25 октября 2019 г.). М., 2020. С. 104.

⁴ Обзоры судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за соответствующие периоды на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 11.01.2022).

⁶ Постановление Пленума ВС РФ от 6 апреля 2021 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29852/> (дата обращения: 11.01.2022).

И.Г. Смирнова и М.Ю. Шадрин указывали, что потерпевшее лицо по ряду составов преступлений не в состоянии самостоятельно обеспечить необходимую доказательственную базу⁷.

В.В. Дорошков, вопреки такой позиции, предложил усовершенствовать, а не ликвидировать институт частного обвинения, не допускать активного вмешательства государственных органов в семейные и частные интересы граждан, соблюдать разумный баланс публичных и частных интересов, опираясь на духовно-нравственные ценности российского народа, успешно противостоять пропаганде «западных ценностей», проводимой под лозунгом борьбы с домашним насилием⁸.

Представляется, что в данном случае ВС РФ правильно и своевременно отреагировал на очевидный перекося в соотношении публичного и частного начал и предложил привести их в состояние баланса, поскольку процессуальный порядок частного обвинения только в суде неудобен, неэффективен с точки зрения как публичного (возложение на судью несвойственной ему функции), так и частного интересов (человек сам должен заниматься уголовно-процессуальной деятельностью), а также истины (поскольку не позволяет установить действительную картину произошедшего). Если дела частного обвинения перевести в частно-публичное обвинение, то эта проблема снимается, т.е. все дела будут проходить через предварительное расследование. Но при этом сохраняется возможность их прекращения, переходящая из императивного указания в диспозитивное положение по усмотрению суда в порядке ст. 25 или 25.1 УПК РФ.

⁷ Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве // *Мировой судья*. 2020. № 2. С. 25–28.

⁸ Дорошков В.В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? // *Мировой судья*. 2021. № 4. С. 3–11.

Литература

1. Дорошков В.В. Нужна ли ликвидация частного обвинения? / В.В. Дорошков // *Мировой судья*. 2021. № 4. С. 3–11.
2. Кириллова Н.П. Уголовно-процессуальный конфликт и реализация уголовно-процессуальных функций в суде / Н.П. Кириллова // *Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности : к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 24–25 октября 2019 г.) : сборник научных статей*. Москва : Юрлитинформ, 2020. С. 104–108.
3. Смирнова И.Г. К вопросу об искусственности института частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве / И.Г. Смирнова, М.Ю. Шадрин // *Мировой судья*. 2020. № 2. С. 25–28.

Таким образом, налицо выгода в оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, прежде всего в интересах личности, так как органы предварительного расследования работают на потерпевшего, разгрузив его от частного расследования, нет лишь обязательного прекращения уголовного дела за примирением сторон, но оно по-прежнему остается возможным.

Возникает вопрос: можно ли при данном подходе говорить об ограничении, сокращении частного интереса в уголовном процессе? Представляется, что нет. Личное начало остается главным движущим фактором, поскольку без желания лица никакого уголовного дела не будет. Кроме того, оно продолжает действовать и при дальнейшем разрешении уголовного дела, в порядке ст. 25 и 25.1 УПК РФ. С точки зрения баланса публичного и частного предлагаемая конструкция явно выгоднее, так как в ней прослеживается как публичный, так и частный интерес. При этом видна явная процессуальная оптимизация. В итоге частное обвинение упраздняется, а личный интерес не только сохраняется, но и усиливается за счет публичности с благоприятным вариантом разрешения ситуации судом на основе баланса.

Рассматриваемая ситуация показательна в более широком масштабе. Единственная и незначительная частица англосаксонского производства в рамках романо-германского уголовного процесса в итоге продемонстрировала свою нежизнеспособность. Произошло это потому, что функционирующий механизм производства континентального типа отторг элемент другой правовой системы как чужеродное тело. Данный пример еще раз подчеркивает необходимость концептуального подхода к совершенствованию отечественного уголовно-процессуального законодательства на основе баланса публичного и частного интересов.

Правовое регулирование статуса гражданского истца в уголовном судопроизводстве России: история и современность

Самойлова Жанна Владимировна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
zhannaiv@mail.ru

Корнакова Светлана Викторовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
Svetlana-kornakova@yandex.ru

В статье представлен историко-правовой анализ развития и становления правового статуса гражданского истца в российском уголовном судопроизводстве. Исследуются понятие, роль и значение гражданского истца, его законные интересы в российском уголовном процессе как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Предлагается авторское определение гражданского истца в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются сложности механизма практической реализации прав гражданского истца на стадии предварительного расследования. Указываются пробелы и противоречия законодательной базы, регламентирующей права и обязанности гражданского истца в уголовном деле, с целью обеспечения прав и интересов гражданского истца, а также успешного рассмотрения гражданского иска по существу в рамках уголовного дела. Формулируются возможные причины недостаточной осведомленности гражданского истца об имеющихся у него процессуальных правах. Исследуя неоднозначность формулировок о статусе гражданского истца в уголовном процессе, предлагаются практические рекомендации для правоприменения.

Ключевые слова: гражданский истец, гражданский иск, вред от преступления, права и обязанности истца, имущественный, моральный, физический вред.

В настоящее время по многим процессуальным позициям гражданский истец поставлен в неравное положение с другими участниками уголовного судопроизводства и, таким образом, фактически рассматривается как второстепенный участник процесса, что позволяет говорить о неполной реализации как принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве, так и принципа состязательности.

Выяснить наметившиеся перспективы и спрогнозировать современные тенденции последующего формирования и укрепления процессуального статуса гражданского истца возможно, лишь обозначив целостную историческую картину становления и разви-

тия института гражданского истца в российском уголовном процессе.

Исторический момент появления категории гражданского иска в России (в современном его понимании) и, соответственно, обособленной процессуальной фигуры гражданского истца необходимо искать во время укрепления публичности уголовного процесса, а именно с возникновения инквизиционного судопроизводства, которое окончательно утвердилось в России при Петре I. В общем можно утверждать, что до начала XVIII в. процессуальный статус гражданского истца совпадал с процессуальной фигурой потерпевшего от преступного деяния, составляя одно целое.

Благодаря судебной реформе 1864 г. нормативное регулирование восстановления вреда, причиненного преступным посягательством, со временем отделилось из общего множества уголовно-процессуальных и уголовно-правовых норм и обособилось в самостоятельный институт уголовно-процессуального права — гражданского иска в уголовном судопроизводстве.

По окончании Октябрьской революции 1917 г. перемены общественно-политического строя в России, нормативная регламентация уголовного процесса подверглись значительным переменам. Первоначально проблемы судоустройства и судопроизводства закреплялись Декретами СНК «О суде» № 1-3¹. Согласно указанным документам при разбирательстве уголовных дел не возникал вопрос о возмещении вреда, причиненного преступным посягательством. Категория гражданского иска в рамках уголовного дела была возрождена Уголовно-процессуальным кодексом (далее — УПК) РСФСР 1922 г.² С того момента отличительной чертой работы механизма восстановления вреда, нанесенного преступлением, считалось то, что пострадавшие от преступных посягательств (а именно гражданский истец и потерпевший) были неспособны воздействовать на ход разбирательства. Классовая суть общесоветского судопроизводства отвергла идеологию защищенности личных интересов и потребностей, тем более материальной направленности.

С появлением УПК РСФСР 1960 г.³ нормативная регламентация в части восстановления причиненного преступным деянием вреда поменялась в направлении обретения гражданским истцом больших возможностей и правомочий. Так, например, гражданский истец в ходе судебного заседания был способен принимать участие в исследовании обстоятельств, которые имели значимость

для подтверждения и обоснования заявленного гражданского иска. Гражданский иск в уголовном деле мог быть разрешен в рамках уголовного дела и мог быть заявлен на любой стадии процесса (ст. 29 УПК РСФСР).

Проанализировав с историко-правовой точки зрения процесс развития и становления в отечественном законодательстве категории гражданского иска в уголовном судопроизводстве, приходим к выводу, что его формирование далеко не всегда обеспечивалось исторической преемственностью, поскольку последующие уголовно-процессуальные законы часто не становились результатом закономерного развития предыдущих. Проблемы продиктованы, прежде всего, дефицитом в уголовно-процессуальной доктрине специальных исследований подобных вопросов. Кроме того, приблизительно до реформы 1864 г. практически не существовали такие категории, как «гражданский иск» и «гражданский истец». И наконец, исходя из недопустимости совмещения принципов гражданской и уголовной отраслей судопроизводства, подвергалась сомнению сама полезность института гражданского иска⁴, хотя отнюдь не редким явлением в уголовном процессе являлось разрешение гражданско-правовых вопросов⁵.

Ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁶ (далее — УПК РФ) перечисляет субъектов, которые являются гражданскими истцами, соответственно, государство автоматически присваивает указанным в ст. 44 субъектам статус гражданского истца без специального оформления особого акта. К слову, в ранее действующем УПК РСФСР в ст. 54 упоми-

¹ Декреты СНК № 1-3 «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

² СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Николайченко О.В. Гражданский иск в уголовном процессе в аспекте межотраслевой преюдиции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 286.

⁵ Осодоева Н.В. Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении гражданских исков в суде первой инстанции по уголовным делам // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 3. С. 34.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

налось о том, кто *признается* гражданским истцом. Думается, УПК РСФСР закреплял более четкую и логичную формулировку, поскольку само по себе требование о возмещении причиненного преступлением вреда не может и не должно признаваться основанием для приобретения статуса гражданского истца в уголовном деле.

Мыслится, что корректней было бы поменять формулировку п. 1 ст. 44 УПК РФ, руководствуясь ранее действующим приложением 115 УПК РФ, а именно: «1. Гражданским истцом *признается* физическое или юридическое лицо... Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, прокурора, следователя, дознавателя».

В этой связи положение ч. 3 ст. 42 УПК РФ смотрится недостаточно конкретно. Так, из ее содержания однозначно не следует, что разъяснение потерпевшему права заявлять гражданский иск является одним из обязательных способов обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Поэтому считаем необходимым дополнить ст. 42 УПК РФ положением, закрепляющим обязанность органов предварительного расследования оповещать документально лицо, пострадавшее от преступления, о его праве заявлять гражданский иск в уголовном судопроизводстве.

В ситуациях, когда процессуальные фигуры гражданского истца и потерпевшего не совпадают, гражданский истец имеет существенным образом меньший объем прав и возможностей по сравнению с потерпевшим. Например, гражданский истец не может знать о предъявленном обвинении, не имеет права ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключениями эксперта, не может требовать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций. Кроме того, истец не имеет возможности ознакомиться с материалами рассматриваемого уголовного дела в полном объеме, не имеет права ходатайствовать о применении мер безопасности.

Его возможность ознакомиться с протоколами следственных действий, которые были произведены с его непосредственным участием, не содержит такой пункт, как возможность указывать свои замечания.

Ко всему прочему, ст. 225 УПК РФ не содержит упоминания гражданского истца, также не регламентированы процессуальные моменты, связанные с возможностью реализации гражданским истцом своих прав на ознакомление с материалами уголовного дела. По этому вопросу в процессуальной доктрине сложилось распространенное мнение о том, что гражданский истец не вправе ознакомиться с материалами уголовного дела по окончании дознания⁷.

Считаем неправильным игнорирование положений п. 12 ч. 4 ст. 44, п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ, где регламентированы возможности гражданского истца и гражданского ответчика на знакомство с материалами уголовного дела в части, которая напрямую относится к заявленному иску.

Положения пункта 12 ч. 4 ст. 44 УПК РФ выглядят несогласованно в тех пунктах, где зафиксировано, что гражданский истец имеет возможность по окончании предварительного расследования ознакомиться только «с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному им гражданскому иску», но в то же время имеет право «выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме». Поднимается справедливый вопрос: как именно в правоприменительной практике следственные работники смогут устроить процесс ознакомления гражданского истца лишь с небольшой частью материалов уголовного дела, которые сшиваются в тома, нумеруются, снабжаются единой описью и только после этого предъявляются для ознакомления?

В этой связи профессор И.В. Смолькова справедливо отмечает, что УПК РФ

⁷ См., например: Арестова Е.Н. Проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при окончании дознания составлением обвинительного акта // Российский следователь. 2008. № 4. С. 3–5; Уголовный процесс: учебн. / под ред. В.П. Божьева. М.: Высшее образование, 2006. С. 291.

как закон, регулирующий сферу наиболее острых правоотношений с точки зрения ограничения прав и законных интересов лиц, не может быть неопределенным⁸. Думается, для обеспечения прав и интересов гражданского истца в уголовно-процессуальном законодательстве данный процесс должен быть урегулирован более детально и обстоятельно. Так, пункт 12 ч. 4 ст. 44 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «...знакомиться по окончании расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному им гражданскому иску, выписывать из уголовного дела сведения, имеющие отношение к заявленному гражданскому иску».

Прежнее уголовно-процессуальное законодательство не закрепляло возможность гражданского истца на участие в производстве следственных действий. Действующий УПК РФ в п. 10 ч. 4 ст. 44 содержит такое право, что непременно следует отметить как положительную тенденцию в вопросах соблюдения и защиты возможностей и гарантий прав гражданского истца.

Также ради справедливости стоит отметить, что с 1 сентября 2019 г. законодатель Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дополнил право гражданского истца на ознакомление не только с протоколом

судебного заседания, но и его аудиозаписью (п. 16 ст. 44 УПК РФ)⁹.

Исследования подтверждают, что, несмотря на существенное расширение процессуальных возможностей гражданского истца на стадии предварительного расследования, на фоне ранее действующего уголовно-процессуального законодательства гражданские истцы все же недостаточно активно используют предоставленные им возможности для отстаивания собственных прав и интересов.

Подобная невысокая вовлеченность гражданских истцов в деле отстаивания своих процессуальных прав объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, отсутствие веры пострадавших в назначение виновным справедливого приговора и в компенсацию вреда, причиненного преступлением. Во-вторых, неудовлетворительная информированность гражданского истца об имеющихся у него возможностях, которые разъясняются ему один раз при объявлении постановления о признании его гражданским истцом. Представляется, именно на следователе лежит обязанность разъяснить пострадавшему от преступления его права действительно подробно, так, чтобы он их понял и смог вступить в дело и в качестве гражданского истца.

Думается, что предложенные рекомендации будут способствовать должному обеспечению прав и законных интересов гражданского истца в российском уголовном судопроизводстве.

⁸ Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 209.

⁹ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4817.

Литература

1. Арестова Е.Н. Проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при окончании дознания составлением обвинительного акта / Е.Н. Арестова // Российский следователь. 2008. № 4. С. 3–5.
2. Николайченко О.В. Гражданский иск в уголовном процессе в аспекте межотраслевой преюдиции / О.В. Николайченко // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 283–290.
3. Осодоева Н.В. Некоторые вопросы, возникающие при рассмотрении гражданских исков в суде первой инстанции по уголовным делам / Н.В. Осодоева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 3. С. 33–41.
4. Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И.В. Смолькова // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 205–210.
5. Уголовный процесс: учебник / под редакцией В.П. Божьева. Москва: Высшее образование, 2006. 524 с.

Законодательная регламентация состава, прав и обязанностей участников судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о реабилитации нуждается в совершенствовании

Антонов Игорь Алексеевич,
заведующий научно-исследовательским отделом
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации,
академик Российской академии естественных наук,
доктор юридических наук, профессор
docantonov@yandex.ru

Каширин Роман Михайлович,
адвокат Псковской областной коллегии адвокатов,
кандидат юридических наук
kashirinroman@yandex.ru

В статье анализируется судебная практика рассмотрения вопроса о возмещении реабилитированному лицу ущерба, причиненного в результате незаконного уголовного преследования и применения меры пресечения; выявлены пробелы уголовно-процессуального закона, позволяющие в рамках указанного судебного процесса прокурору и руководителю следственного органа продолжать выполнять функцию уголовного преследования, тем самым оказывая воздействие на принятие судебного решения, ограничивая возможности восстановления личности в ее правах посредством правосудия.

Ключевые слова: реабилитация, суд, прокурор, руководитель следственного органа, судебное разбирательство, возмещение ущерба, незаконное уголовное преследование.

Правосудие, как того требуют конституционные положения (ст. 46 Конституции Российской Федерации¹, далее — Конституция РФ), должно отвечать требованиям законности и справедливости, суду должны быть созданы гарантии объективности, независимости и беспристрастности, чтобы была обеспечена надлежащая охрана прав и свобод человека и гражданина, в том числе от произвола властей. Создание условий обеспечения права на полную, справедливую и эффективную судебную защиту на основе равенства всех перед законом и судом являет-

ся важнейшей обязанностью государства². Вместе с тем правоприменительная практика сегодня складывается таким образом, что на полную, справедливую и эффективную судебную защиту гражданам рассчитывать зачастую не приходится. И дело здесь не в субъективных факторах, связанных с судебским усмотрением, а во многом — в частности, в пробелах уголовно-процессуального законодательства.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2018 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушников, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

Так, изучение судебной практики рассмотрения вопросов, связанных с реабилитацией лица, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, позволило выявить ряд проблем в части законодательной регламентации участников судебного разбирательства и их процессуального статуса, а также в части процессуальных гарантий права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти, как это отражено в ст. 53 Конституции РФ.

Не устраняют, к сожалению, возникающие проблемы и решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) и Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ), которые уже выразили свое отношение к ряду указанных и пограничных с ними вопросов. Так, КС РФ в части повышения гарантий прав реабилитированных выработал следующие правовые позиции:

а) законодатель, устанавливая порядок и условия возмещения лицу вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти, должен ориентироваться на необходимость максимально возможного возмещения вреда, а также, наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда, предусматривать специальные публично-правовые механизмы, которые бы упростили процедуру восстановления прав реабилитированных, так как лицо, необоснованно подвергнутое уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав;

б) закрепленный гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее — УПК РФ) порядок признания права на возмещение имущественного вреда во всех случаях должен создавать для реабилитированных лиц упрощенный режим правовой защиты, освобождающий

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

их от бремени доказывания оснований и размера возмещения вреда⁴.

В свою очередь ВС РФ, поясняя процедуру рассмотрения вопросов о реабилитации, отметил, что к участию в делах о возмещении имущественного вреда в суд привлекается Министерство финансов Российской Федерации в качестве ответчика от имени казны Российской Федерации⁵. В условиях субъекта Российской Федерации ответчиком выступает региональное Управление Федерального казначейства. Процедура данного судебного разбирательства проходит по правилам уголовно-процессуального закона, где в ч. 6 ст. 399 УПК РФ предусмотрено право участия прокурора.

И если здесь с ответчиком все в целом ясно, то к процессуальному статусу прокурора в рамках рассматриваемого судебного разбирательства есть вопросы, ведь, согласно требованиям УПК РФ, прокурор наделен лишь правом присутствовать в суде и поделиться с участниками судебного разбирательства мнением без каких-либо дополнительных процессуальных полномочий (ч. 6–7 ст. 399 УПК РФ). Более того, какое мнение должен высказать прокурор и по каким вопросам, тоже далеко не однозначно для утверждения.

Правоприменительная практика при отсутствии четкого законодательного регулирования указанных вопросов, к

⁴ Определение КС РФ от 19 июля 2016 г. № 1728-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комарова Андрея Петровича на нарушение его конституционных прав главой 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение КС РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О «По запросу Сюзинского районного суда Удмуртской Республики о проверке конституционности положений пунктов 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

⁵ Постановление Пленума ВС РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 02.04.2013) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.

сожалению, отдаляется от понимания правозащитного назначения уголовного судопроизводства и игнорирует вышеозначенные решения КС РФ. Приведем лишь один пример из судебной практики, не обозначая субъект Российской Федерации и персональный состав участников судебного разбирательства.

Так, в отношении гр-на В. следственным управлением Следственного комитета РФ было возбуждено уголовное дело, в рамках которого ему было предъявлено обвинение в совершении преступления и избрана мера пресечения. Предварительное следствие было окончено составлением обвинительного заключения, уголовное дело направлено прокурору и после его утверждения направлено в суд для рассмотрения по существу.

По результатам судебного разбирательства В. был оправдан судом и мера пресечения была отменена. За ним было признано право на реабилитацию. Прокурором на оправдательный приговор суда было внесено представление, но в апелляции приговор оставлен без изменения и за В. сохранено право на возмещение вреда. Руководствуясь главой 18 УПК РФ, В. обратился в суд с заявлением (ходатайством) о взыскании в порядке реабилитации затрат на оплату услуг адвокатов. Постановлением суда требования В. о возмещении сумм, выплаченных за оказание юридической помощи, были удовлетворены лишь частично⁶.

Что способствовало принятию судом указанного решения? И какова же была судебная процедура рассмотрения обращения В.? При рассмотрении судом обращения В. судья по собственной инициативе в открытое судебное заседание привлек прокурора. Помимо этого, судья в отсутствие письменного ходатайства со стороны прокурора и со стороны ответчика (Управления Федерального казначейства) привлек к участию в деле руководителя следственного управления Следственного комитета РФ,

при этом последний получил процессуальный статус — представитель заинтересованного лица, хотя нормы уголовно-процессуального закона не предусматривают такого участника уголовного судопроизводства, да и участие третьих лиц в рамках рассматриваемого судебного разбирательства УПК РФ также не предусмотрено.

Таким образом, изученные материалы свидетельствуют, что в открытое судебное разбирательство по вопросу реабилитации и возмещения имущественного вреда, причиненного должностными лицами государственных органов за незаконное привлечение гражданина В. к уголовной ответственности, судом первой инстанции были привлечены в полном составе участники со стороны обвинения: прокурор, утвердивший обвинительное заключение в отношении В., поддерживавший обвинительное заключение в суде и обжаловавший оправдательный приговор; руководитель следственного органа, контролировавший ход расследования уголовного дела и согласовавший обвинительное заключение.

Указанные лица на протяжении длительного времени ставили перед собой конечную цель привлечения В. к уголовной ответственности за совершение тяжкого преступления, которое он, согласно решению суда, не совершал. Выступая на стороне обвинения, эти лица были заинтересованы в таком исходе расследования и рассмотрения уголовного дела, чтобы В. был осужден. При этом ни на одном из этапов производства по делу они не отказывались от незаконного уголовного преследования В. и принимали в нем активное участие, а именно: следователь с согласия руководителя следственного органа ходатайствовал перед судом о применении меры пресечения, в суде прокурор поддерживал это ходатайство об избрании В. меры пресечения, связанной с изоляцией от общества; с согласия руководителя следственного органа предварительное следствие было окончено и уголовное дело с обвинительным заключением было направлено прокурору; прокурор утвердил обвинительное заключение; государственным

⁶ Антонов И.А., Каширин Р.М. Роль прокурора при рассмотрении судом вопроса о возмещении вреда реабилитированному лицу // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 91–92.

обвинителем в суде обвинение было поддержано; оправдательный приговор прокурором был обжалован.

Следовательно, исходя из назначения и нравственной сущности реабилитации и возмещения вреда, причиненного лицу незаконным уголовным преследованием, обоснованность и законность участия названных выше лиц в судебном процессе по возмещению имущественного вреда, причиненного должностными лицами государственных органов за незаконное привлечение В. к уголовной ответственности, вызывают большие сомнения.

Руководствуясь статьями 61, 62 УПК РФ, эти лица, вовлеченные в судебный процесс по возмещению имущественного вреда, причиненного должностными лицами государственных органов за незаконное привлечение В. к уголовной ответственности, обязаны были принять меры к устранению от участия в рассмотрении дела, поскольку ранее выступали в нем на стороне обвинения. Однако этого сделано не было, а судами общей юрисдикции при рассмотрении дела и последующем пересмотре судебного решения подобный факт во внимание принят не был. Далее дополнительно укажем, что, привлекая к участию в деле прокурора и руководителя следственного органа, ранее участвовавших в производстве по уголовному делу и представлявших сторону обвинения, суд первой инстанции не указал их процессуальных полномочий.

Так, согласно ст. 37 УПК РФ прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, поддерживает в суде государственное обвинение. А вот полномочия прокурора при разрешении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, а именно в судебном процессе по возмещению имущественного вреда, причиненного должностными лицами государственных органов за незаконное привлечение к уголовной ответственности, УПК РФ не предусмотрены.

Таким образом, в рассматриваемом случае следует исходить из принципиальных

положений уголовно-процессуального закона, самого назначения уголовного судопроизводства и положений иных законов, регламентирующих деятельность прокурора, в частности Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»⁷.

Первоначально укажем, что суд первой инстанции должен был создать необходимые условия для защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод и восстановить оправданного в его правах, которые были нарушены в ходе его уголовного преследования.

Как представляется, роль прокурора в рассматриваемом судебном процессе должна была заключаться: в защите законных прав и интересов граждан; предоставлении суду материалов, которые касаются имевшего место уголовного преследования (при необходимости представить материалы надзорного производства); высказывании мнения исключительно по представленным материалам дела в части длительности расследования, сложности доказывания, количества томов уголовного дела, характера меры пресечения и т.п.

При этом прокурор как официальное должностное лицо органов прокуратуры в рассматриваемом процессе, как представляется, не исполнил свои прямые обязанности, установленные Конституцией РФ и законом о прокуратуре, а именно осуществлять надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина. При его подходе к рассматриваемому делу (отмеченному выше и о котором еще будет дополнительно сказано) не была должным образом исполнена обязанность государства в части соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Кон-

⁷ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ституции РФ); имелись препятствия в реализации права на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти (ст. 53 Конституции РФ, ч. 4 ст. 11 УПК РФ, ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸).

Исходя из требований закона, прокурор должен был защищать права и законные интересы реабилитированного лица — оправданного по уголовному делу, его право на возмещение вреда в полном объеме в любой ситуации и инстанции. Вместе с тем прокурор в судебном заседании выступил с недопустимым «обвинением» о завышенности требований В., с недопустимым предоставлением в суд доказательств «необоснованности заявленных требований»; выступил с требованием об уменьшении судом размера выплаты реабилитированному лицу.

Что касается руководителя следственного органа, то, согласно ст. 39 и 399 УПК РФ, он вообще не уполномочен принимать участие в судебном процессе по возмещению имущественного вреда, причиненного должностными лицами государственных органов, за незаконное привлечение к уголовной ответственности, поскольку не является участником этих правоотношений. В то же время руководитель следственного органа был допущен судом первой инстанции к процессу; более того, в ходе судебного разбирательства он занимался сбором и предоставлением в суд доказательств необоснованности заявленных В. требований, заявлял ходатайства и возражения суду, требовал от суда уменьшения размера выплаты.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Антонов И.А. Роль прокурора при рассмотрении судом вопроса о возмещении вреда реабилитированному лицу / И.А. Антонов, Р.М. Каширин // Общество и право. 2020. № 1 (71). С. 91–92.

Таким образом, прокурор и руководитель следственного органа препятствовали применению судом упрощенного порядка доказывания реабилитированным причиненного ущерба. Соответственно, суд, даже если привлек указанных участников к участию в деле, должен был пресечь подобные действия прокурора и руководителя следственного органа. Вместе с тем сложившаяся ситуация оказалась возможной ввиду того, что уголовно-процессуальный закон не конкретизирует права и обязанности участников судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о компенсации реабилитированным лицам вреда, причиненного им при уголовном преследовании.

Изложенное позволяет утверждать, что прокурор и руководитель следственного органа, ранее участвовавшие в производстве по уголовному делу со стороны обвинения, осуществлявшие уголовное преследование лица, не должны ни с правовых, ни с нравственных позиций участвовать в судебном разбирательстве по вопросу о возмещении вреда реабилитированному лицу. В противном случае возникает ситуация, когда прокурор и руководитель следственного органа в процедуре реабилитации, включая судебное рассмотрение требования реабилитированного о возмещении причиненного вреда по правилам ст. 397 и 399 УПК РФ, продолжают осуществлять функцию обвинения реабилитированного в части обвинения его в завышенных требованиях, представления в суд доказательств необоснованности заявленных реабилитированным требований, выступления перед судом с требованием об уменьшении размера выплаты реабилитированному лицу. Это, в свою очередь, оказывает на реабилитированное лицо дополнительную негативную психологическую нагрузку, вызывает нравственные переживания и приводит к утрате доверия в справедливое, независимое и беспристрастное правосудие.

Актуальные вопросы правового регулирования опроса присяжного заседателя

Багаутдинов Флер Нуретдинович,
заведующий кафедрой прокурорского надзора
за исполнением законов в оперативно-разыскной деятельности
и участия прокурора в уголовном судопроизводстве
Казанского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
fler5858@mail.ru

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 7 июля 2020 г. № 33-П решил опрос присяжного заседателя в заседании суда апелляционной инстанции. В статье анализируется данное постановление, выдвигаются предложения о правовом регулировании в уголовно-процессуальном законодательстве порядка опроса присяжного заседателя.

Ключевые слова: процессуальный статус присяжного заседателя, судопроизводство с участием присяжных заседателей, опрос присяжного заседателя, Конституционный Суд Российской Федерации, тайна совещательной комнаты.

Вначале следует напомнить, что Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) последовательно выступал против получения объяснения у присяжного заседателя. Например, Тверским областным судом К. был оправдан по обвинению в убийстве и покушении на убийство. После вынесения оправдательного приговора руководитель отдела СК взял у присяжных объяснения об их участии в рассмотрении дела, в частности о вопросах, которые у них выяснялись при формировании коллегии, о мнениях, высказанных присяжными о виновности или невинности подсудимого.

ВС РФ по этому поводу вынес частное определение, подчеркнув, что при осуществлении правосудия присяжные обладают гарантиями независимости и неприкосновенности судей. Действия руководителя отдела СК повлекли за собой незаконное вмешательство в осуществление правосудия¹.

В другом случае Н. оправдали приговором Рязанского областного суда. Проку-

рор в апелляционном представлении просил отменить приговор со ссылкой на то, что старшина коллегии присяжных заседателей Б. не представил в суд сведения о совершении им до вынесения вердикта административного правонарушения, в результате чего стороны были лишены возможности выяснить вопрос о беспристрастности присяжного и вердикт был вынесен незаконным составом суда.

Указанный факт, подчеркнул прокурор, установлен при проверке в отношении Б. Прокурор приобщил к представлению документы, в том числе объяснение Б., и просил исследовать их в апелляционной инстанции.

ВС РФ отказал в удовлетворении представления, оставил приговор без изменения и вынес частное определение, отметив, что проверка в отношении Б. проведена во время осуществления им правосудия и связана с вынесением коллегией оправдательного вердикта. Проведение государственным обвинителем проверки в отношении присяжного заседателя противоречит закону².

¹ Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 1 сентября 2010 г. № 35-010-25СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

² Частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от

Обратимся к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 7 июля 2020 г. № 33-П³ о возможности опроса присяжного заседателя. А., осужденный приговором Свердловского областного суда, вынесенным в соответствии с обвинительным вердиктом коллегии присяжных заседателей, оспаривал конституционность п. 1 ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴ (далее — УПК РФ), в соответствии с которой присяжный не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны при участии в деле. Заявитель утверждал, что данная норма противоречит Конституции Российской Федерации⁵ (далее — Конституция РФ) в той мере, в какой она не позволяет удовлетворить ходатайство защитника о допросе присяжных о нарушении тайны совещания и об ином давлении.

При подготовке апелляционной жалобы адвокат осужденного А. опросила четверых из присяжных об обстоятельствах совещания и оформила их показания как объяснения. В апелляционных жалобах адвокат, ссылаясь на объяснения присяжных, настаивала на том, что при принятии вердикта не соблюдалась тайна совещания, совещательную комнату посещали посторонние — секретари судебного заседания, судебный пристав и запасной присяжный заседатель.

4 апреля 2013 г. № 6-АПУ13-2СП // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 1.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

При судебном разбирательстве в ВС РФ защитники заявляли ходатайства о приобщении к делу и оглашении объяснений присяжных, подтверждающих нарушение тайны совещательной комнаты.

Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайств, указав, что в силу ч. 3 ст. 56 УПК РФ присяжные не могут допрашиваться как свидетели, в том числе и опрашиваться защитниками по поводу обстоятельств дела, которые стали известны им в связи с участием в деле. По мнению суда, свидетельств, подтверждающих факт незаконного воздействия на присяжных, в деле не имеется.

Кроме этого, ВС РФ вынес частное определение за допущенные адвокатом нарушения закона. Совет региональной адвокатской палаты согласился и привлек адвоката к дисциплинарной ответственности.

Как подчеркнул КС РФ в Постановлении № 33-П, УПК РФ оценивает нарушение тайны совещания присяжных как существенное нарушение закона, которое влечет отмену приговора (п. 8 ч. 2 ст. 389.17). При этом присяжные не вправе нарушать тайну совещания и голосования, высказывать свое мнение до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, общаться с лицами, которые не входили в состав суда, об обстоятельствах дела, осуществлять сбор сведений по делу вне судебного заседания.

С учетом этого факты, которые способны поставить под сомнение справедливость, безупречность и правосудность решения суда, суд апелляционной инстанции не может оставить без внимания, если в жалобе, представлении содержатся доводы и материалы, подтверждающие предположения о таких нарушениях.

КС РФ отметил: предметом процедуры, в которой устанавливаются нарушения тайны совещания присяжных, являются нарушения закона, которые ставят или могут поставить под сомнение независимость и беспристрастность присяжных, а не представляющие тайну мнений и высказываний присяжных данные о су-

ществе и обстоятельствах рассмотрения и разрешения в совещательной комнате поставленных перед ними вопросов.

Например, сведения о высказанных присяжными мнениях и суждениях до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, об их общении с лицами, которые не входили в состав суда, об обстоятельствах дела, о сборе сведений вне судебного заседания, о воздействии на присяжных посторонних лиц при обсуждении вердикта и при голосовании, о нахождении в совещательной комнате посторонних лиц свидетельствуют о нарушении закона или другом неправомерном поведении присяжных либо иных лиц и не могут рассматриваться в качестве сведений, которые стали известны присяжным в связи с участием в деле. Не представляют они и сведения, которые составляют тайну совещания, а потому подобная информация может стать предметом исследования и оценки суда апелляционной инстанции.

Исходя из этого, присяжные по ходатайству стороны, которая оспаривает приговор, могут быть вызваны в суд апелляционной инстанции и вправе предоставить данные об обстоятельствах относительно нарушений закона при обсуждении и принятии вердикта, не разглашая при этом сведения о суждениях во время совещания и о решениях присяжных при голосовании.

Итоговые выводы КС РФ были сформулированы следующим образом: п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не противоречит Конституции РФ в той мере, в какой он:

- не препятствует суду апелляционной инстанции по ходатайству стороны, которая оспаривает приговор, вызвать в заседание суда присяжных для установления обстоятельств по поводу возможного нарушения тайны совещания или других нарушений закона при обсуждении и принятии вердикта;

- предполагает право присяжных дать объяснения в суде апелляционной инстанции относительно отмеченных фактов, не разглашая данные относительно мнений присяжных во время голосования.

Следует подчеркнуть, что еще до вынесения Постановления № 33-П опрос присяжного заседателя с разрешения ВС РФ уже имел место. Российскую судебную систему подтолкнул к этому Европейский Суд по правам человека. Об этом деле подробно писал журнал «Уголовное судопроизводство». При этом присяжные заседатели опрашивались работниками Генеральной прокуратуры Российской Федерации в рамках назначенной ВС РФ проверки по доводам защиты об оказанном на присяжных заседателей незаконном воздействии представителем потерпевшего — матерью убитого⁶.

Таким образом, как обоснованно отмечает Н.А. Колоколов, для проверки тайны совещательной комнаты, проверки сведений об оказании незаконного воздействия на присяжных, как это следует из последних решений высших судебных инстанций РФ, могут проводиться как прокурорская проверка, так и опрос (допрос) судей и присяжных заседателей. Выбор того или иного способа зависит от конкретных обстоятельств дела и усмотрения судьи, рассматривающего дело⁷.

Опрос присяжного заседателя может потребоваться и в других случаях — в частности, для проверки информации о знакомстве кандидата в присяжные с участником процесса. Например, А. был оправдан вердиктом коллегии присяжных. Прокурор в апелляционном представлении подчеркнул, что один из кандидатов в присяжные, которого потом включили в состав коллегии, скрыл информацию о своем знакомстве с подсудимым. После вынесения приговора

⁶ См. Складенко М.В. Прокурорская проверка в апелляции: процессуальный новый институт? Допустимость назначения прокурорской проверки по инициативе суда: ее методы и пределы // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 35–39.

⁷ Колоколов Н.А. Инструменты проверки соблюдения тайны совещательной комнаты: прокурорская проверка или опрос (допрос) судей с присяжными заседателями в суде второй инстанции? // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 3–8.

указанный присяжный заседатель обратился с письменным заявлением в прокуратуру Тульской области, в котором сообщил о своем знакомстве с подсудимым. Данная информация была проверена государственным обвинителем и нашла свое подтверждение, оправдательный приговор отменен⁸.

Нам точно неизвестно, действительно ли в данном случае присяжный заседатель по своей инициативе обратился с заявлением в прокуратуру области — скорее всего, это заявление представляет собой результат целенаправленной работы прокуратуры, направленной на отмену оправдательного приговора. Но в любом случае без получения объяснения у присяжного заседателя факт его знакомства с участником процесса установить и доказать было бы сложно.

Не оспаривая основной вывод КС РФ о возможности опроса присяжного заседателя, предлагаем обратить внимание на разъяснение КС РФ о том, что предпосылкой для изучения судом апелляционной инстанции информации о нарушении тайны совещания судей, о возможном постороннем воздействии на присяжных заседателей может явиться опрос адвокатом лиц, которые владеют сведениями по данному делу.

Исходя из принципа равноправия и состязательности сторон, правомерным представляется вывод о том, что и государственный обвинитель вправе опросить присяжного заседателя, как и сторона защиты.

А если и сторона защиты, и сторона обвинения начнут самостоятельно опрашивать одних и тех же присяжных заседателей, преследуя каждая свои цели и задачи? Что из этого может получиться, нетрудно представить.

Поэтому считаем, что факты опроса присяжных заседателей как адвокатом, так и прокурором недопустимы и должны быть исключены. Такое право должно

⁸ Безгина Н.С., Митин Д.Ю. Суд присяжных в районном суде: первые шаги // Прокурор. 2020. № 1. С. 92–95.

быть предоставлено только суду по мотивированному ходатайству стороны.

Опрос присяжного заседателя — это крайнее, исключительное средство для установления узкого круга фактов и обстоятельств. Первоначально следует попытаться установить, выяснить указанные факты и обстоятельства другими способами и средствами, и в большинстве случаев это дает свои результаты. Опрос присяжного заседателя следует проводить в тех случаях, когда иные действия не дали результатов и без этого установить истину невозможно.

Считаем, что порядок опроса присяжного заседателя должен получить соответствующее законодательное регулирование исходя из позиций КС РФ. Предлагаем определенные подходы и правила, которые необходимо при этом соблюдать:

— опрос присяжного заседателя проводится по мотивированному ходатайству сторон в судебном заседании, без участия других присяжных заседателей;

— опрос присяжного заседателя возможен в исключительных случаях, когда другим путем установить истину невозможно;

— до опроса присяжного заседателя необходимо предпринять все иные возможные меры для выяснения возникшего вопроса;

— опрос присяжного заседателя может быть проведен лишь в целях установления наиболее важных обстоятельств (оказание воздействия; нарушение тайны совещательной комнаты; факт знакомства, родства присяжного заседателя с кем-либо из участников процесса и др.).

Необходимо в законе определить, в каких именно случаях, для выяснения каких сведений, при соблюдении каких условий, в каком объеме может быть опрошен присяжный заседатель, четко сформулировать перечень вопросов, по поводу которых возможно опросить присяжного заседателя. Не исключаем, что, ссылаясь на анализируемое Постановление КС РФ, трактуя его вольно и широко, возможны попытки опроса присяжных заседателей по различным поводам и вопросам.

В заключение отметим, что действие Постановления КС РФ № 33-П распространяется не только на стадию апелляционного рассмотрения дела, как это на первый взгляд следует из его содержания. Необходимость опроса присяжного заседателя может возникнуть и после апелляционного рассмотрения дела, на что может быть обращено внимание в кассационных жалобах.

Также необходимость опроса присяжного заседателя может возникнуть и в ходе судопроизводства в суде первой инстанции по ходатайству сторон (в связи с воздействием на присяжного, выявлением сокрытия сведений присяжным — факта знакомства, родства с другими участниками процесса и т.д.), в целях его последующего отвода.

Литература

1. Безгина Н.С. Суд присяжных в районном суде: первые шаги / Н.С. Безгина, Д.Ю. Митин // Прокурор. 2020. № 1. С. 92–95.
2. Колоколов Н.А. Инструменты проверки соблюдения тайны совещательной комнаты: прокурорская проверка или опрос (допрос) судей с присяжными заседателями в суде второй инстанции? / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. 2021. № 1. С. 3–8.
3. Складенко М.В. Прокурорская проверка в апелляции: процессуальный новый институт? Допустимость назначения прокурорской проверки по инициативе суда: ее методы и пределы / М.В. Складенко // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 35–39.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект
«Российский судья с приложением»
на 2022 год**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Российский судья с приложением».

В комплект входят следующие издания:

- ▶ Администратор суда
- ▶ Журнал конституционного правосудия
- ▶ Российский судья
- ▶ Уголовное судопроизводство

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

JUSTICE OF THE PEACE

No. 4
2022

SCIENTIFIC-PRACTICE INFORMATION JOURNAL.

Registered with the Federal service for supervision in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
REG. PI No. FC77-29335 of August, 24. 2007. Published monthly. Published since 2003.

Founder of the journal — Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Doroshkov Vladimir Vasil'evich,
Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminal
Investigatory Technique of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Secretary of the Plenum (Retired), Judge of the Supreme Court of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education

EDITORIAL BOARD:

Apostolova Natal'ya Nikolaevna,
Professor of Procedural Law Southern-Russian Institute
of Management of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the RF,
LL.D., Associate Professor

Voskobitova Lidiya Alekseevna,
Head of the Chair Criminal Procedural Law of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL), LL.D., Professor

Golovko Leonid Vital'evich,
Head of the Chair of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's
Supervision of the Lomonosov Moscow State University, LL.D., Professor

Kaplina Oksana Vladimirovna,
Head of the Department of criminal process of the Yaroslav
the Wise National Law University (Kharkov, Ukraine),
LL.D., Professor

Lazareva Valentina Aleksandrovna,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science
of the Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev,
LL.D., Professor

Pavlikov Sergej Gerasimovich,
Head of the Department of Legal Regulation of Economic Activity
of the Financial University under the Government of the RF,
LL.D., Professor

Patov Nikolai Alexandrovich,
Vice-Rector of the Moscow Psychological and Social University (MPSU),
Doctor of Pedagogy, PhD (Law), Professor,
Academician of the Russian Academy of Education

Popov Ivan Alekseevich,
Chief Researcher of the Research Center No. 5 of the All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of the RF,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

Primak Tat'yana Klavdievna,
Head of the Department of Civil Law and the Process
of the Kant Baltic Federal University, LL.D., Professor

Sachkov Andrej Nikolaevich,
Judge of the Rostov Regional Court, Professor of the Theory and History
of State and Law Department of the Rostov Branch of the Russian State
University of Justice, PhD (Law), Associate Professor

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD:

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
Judge of the Supreme Court of the RF (retired), LL.D., Professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:
Grib V.V., Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor,
Academician of the Russian Academy of Education

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E.N., Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Editorial Office: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A., PhD (Law).

Address of the Editorial Board / Publisher:
Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel).

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Russian subscription: Russian Post — П1700 and on: www.lawinfo.ru

Contents

The Judiciary and International Law

A.Yu. Klyuchnikov. Violations in the Appointment
of a Judge to Office as a Ground for Reversal
of a Court Ruling: The New Approach
of the European Court of Human Rights.....2

Criminal Proceedings

N.A. Kolokolov. The Reason for Miscarriage of Justice:
Reluctance to Hear the Defense in Due Time and
with Due Attention5

V.Yu. Stelmakh. Conduct of Investigation
by Investigators of the Investigative Committee
of the Russian Federation: Problems and Ways
of Solution Thereof 15

N.V. Azarenok. Cancellation of Private Prosecution
Cases as Manifestation of the Search for a Balance
of Public and Private Interests in the Modern
National Criminal Procedure 20

Zh.V. Samoylova, S.V. Kornakova. The Legal
Regulation of the Status of a Civil Claimant in Russian
Criminal Proceedings: History and the Modern Times 23

I.A. Antonov, R.M. Kashirin. The Legal Regulation
of the Structure, Rights and Obligations of Parties
to Judicial Proceedings in Review of a Rehabilitation
Issue Needs to Be Improved 27

F.N. Bagautdinov. Relevant Issues of the Legal
Regulation of an Interrogation of a Jury Member 32

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.
Use of materials in others editions allowed only with the written consent
of the publisher. Reference to the magazine is required.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of basic results of PhD and doctoral theses
(12.00.09; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 (law science))

For the attention of our authors!

The journal's materials shall be placed at
ConsultantPlus reference legal system.

Size 170x252. Offset printing. Offset paper No. 1.
Printer's sheet 3,0. Conventional printing sheet 3,0.
Free market price. Circulation 4000 copies. ISSN 2072-4152.
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, s. Severnij, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Passed for printing: 05.04.2022. Issue was published: 14.04.2022.
Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial board
shall be prosecuted in accordance with law.

Journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Violations in the Appointment of a Judge to Office as a Ground for Reversal of a Court Ruling: The New Approach of the European Court of Human Rights

Andrey Yu. Klyuchnikov

Judge of the Pravoberezhny District Court of Lipetsk

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PhD (Law)

The article reviews the new standard of the European Court of Human Rights stipulating trial by an independent and impartial jury appointed in accordance with the law, in respect of the procedure for appointment of judges by other branches of government in a country. In the *Astradsson v. Iceland* case, the court resolved whether the procedural violations made in the appointment of the judge to office are a ground for reversal of the sentence issued within the framework of national proceedings. The author revealed new requirements to national governments for the efficient participation of national courts in the determination of violations of national law in the appointment of judges and the opportunities of the ECHR to perform the analysis of compliance with Convention 1950 independently in a subsidiary procedure in the event that the government ignores the violations.

Keywords: ECHR, office of a judge, reversal of a sentence, protection of human rights, standard, independence.

The Reason for Miscarriage of Justice: Reluctance to Hear the Defense in Due Time and with Due Attention

Nikita A. Kolokolov

Judge (Emeritus) of the Supreme Court of the Russian Federation

LL.D., Professor

Russian criminal law traditionally refers the concept of "justifiable defense" and its limits to controversial issues. It is no coincidence that on January 27, 2022, the President of the Russian Federation V.V. Putin one more time recommended the Supreme Court of the Russian Federation to summarize the practice of application of Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation. No doubt, the results of such summary will be not only quite interesting but also insightful. We, in our turn, offer the reader specific examples to dive into the analysis of the interpretation of the above mentioned provision by courts of various levels.

Keywords: right to justifiable defense, limits of right to justifiable defense, presumption of guilt, criminal legal and criminal procedure simplification.

Conduct of Investigation by Investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation: Problems and Ways of Solution Thereof

Vladimir Yu. Stelmakh

Professor of the Department of Criminal Procedure

of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

PhD (Law), Associate Professor

The article attempts at analyzing peculiarities of an interrogation conducted by an investigator of the Investigative Committee of the Russian Federation. The author notes that the law does not fully regulate the interrogation procedure in this case, which creates risks of adoption of erroneous judgments and acknowledgment of collected evidence inadmissible. The paper analyzes provisions of departmental regulatory acts of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation that specify prosecutor's authorities in terms of supervision over procedural activities of an investigator conducting an interrogation. Some of the most controversial situations, the correlation between the rights of a prosecutor and an investigative authority head are reviewed. The author states that there are some serious gaps that are almost impossible to eliminate in the existing principal model. The article proposes to abandon the existing procedure and stipulate either investigation of the respective criminal cases within pre-trial investigation or rejection of personal investigative jurisdiction over such cases.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial investigation, interrogation, investigator of the Investigative Committee, investigative authority head, prosecutor, investigative jurisdiction.

Cancellation of Private Prosecution Cases as Manifestation of the Search for a Balance of Public and Private Interests in the Modern National Criminal Procedure

Nikolay V. Azarenok
 Doctoral Student of the Department of Judicial Activities and Criminal Procedure
 of the Ural State Law University
 PhD (Law), Associate Professor

The article performs a legal analysis of problems arising in the course of proceedings in private prosecution cases. Proposals of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation for exclusion of private prosecution cases from the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are reviewed. This initiative is studied from the standpoint of a balance of public and private interests in the modern national criminal procedure.

Keywords: private prosecution, criminal case initiation, criminal case termination, balance of public and private interests, criminally prosecuted person, the aggrieved.

The Legal Regulation of the Status of a Civil Claimant in Russian Criminal Proceedings: History and the Modern Times.

Zhanna V. Samoylova
 Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
 of the Baikal State University
 PhD (Law), Associate Professor

Svetlana V. Kornakova
 Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
 of the Baikal State University
 PhD (Law), Associate Professor

The article presents a historical and legal analysis of the development and formation of the legal status of a civil plaintiff in Russian criminal court proceedings. The concept, role and significance of the civil plaintiff, his legitimate interests in the Russian criminal process, both in historical retrospect and at the present stage, are investigated.

The author's definition of a civil plaintiff in the Russian criminal proceedings is proposed. The difficulties of the mechanism of practical realization of the rights of a civil plaintiff at the stage of preliminary investigation are analyzed. The gaps and contradictions of the legal framework regulating the rights and obligations of a civil plaintiff in a criminal case are indicated in order to ensure the rights and interests of a civil plaintiff, as well as the successful consideration of a civil claim on the merits in a criminal case. Possible reasons for insufficient awareness of the civil plaintiff about his procedural rights are formulated. Exploring the ambiguity of formulations about the status of a civil plaintiff in criminal proceedings, practical recommendations for law enforcement are proposed.

Keywords: civil plaintiff, civil claim, damage from infringement, rights and obligations of the plaintiff, property, moral, physical harm.

The Legal Regulation of the Structure, Rights and Obligations of Parties to Judicial Proceedings in Review of a Rehabilitation Issue Needs to Be Improved

Igor A. Antonov
 Head of the Research Department of the Saint Petersburg Academy
 of the Investigative Committee of the Russian Federation
 Member of the Russian Academy of Natural Sciences, LL.D., Professor

Roman M. Kashirin
 Attorney at the Pskov Regional Bar Association
 PhD (Law)

The article analyzes the judicial practice of review of the issue of recovery of damage caused to a rehabilitated person as a result of illegal criminal prosecution and the application of a pre-trial restriction; finds gaps in criminal procedure law allowing the prosecutor and the investigative authority head to continue the performance

of the criminal prosecution function within the framework of the mentioned criminal procedure, thus affecting the adoption of a court ruling, restricting the opportunities for restoration of rights of an individual through justice.

Keywords: rehabilitation, court, prosecutor, investigative authority head, judicial proceedings, recovery of damage, illegal criminal prosecution.

Relevant Issues of the Legal Regulation of an Interrogation of a Jury Member

Fler N. Bagautdinov

**Head of the Department of Prosecutor's Supervision over Law Enforcement in Criminal Intelligence and Surveillance Operations and Prosecutor's Involvement in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
LL.D., Associate Professor**

The Constitutional Court of the Russian Federation permitted interrogation of a jury member within a hearing of a court of appeal by Ruling No. 33-П of July 7, 2020. The article analyzes this ruling, brings forward proposals for the legal regulation of the jury member interrogation procedure in criminal procedure laws.

Keywords: procedural status of a jury member, judicial proceedings with the involvement of jury members, interrogation of a jury member, the Constitutional Court of the Russian Federation, jury room secrecy.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Романов А.А. К вопросу о прецеденте в российской правовой системе

Манохин В.С. Пределы судебного усмотрения в РФ: теория и практика

Даниелян Д.Р. Проблемы специализации судебной деятельности в условиях информационной трансформации судебной системы

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Черкашина А.В., Шестак В.А. Особенности модели триады преступного риска

Осодоева Н.В. Некоторые вопросы, возникающие в связи с производством осмотра места происшествия в жилище

Федюнин А.А. О подготовке к судебному заседанию при рассмотрении вопроса о передаче иностранного гражданина, осужденного российским судом к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве его гражданства

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Яминов К.Г., Костина М.М. Лица, участвующие в процедуре мирового соглашения
